

Яков Вассерман

СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ

Якоб Вассерман

Свободная любовь

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6377714

Седьмая книга;

ISBN 978-5-906-13764-7

Аннотация

Юная Рената Фукс свежа и неискушена. А кроме того, она богата, красива и занимает завидное положение в обществе. Казалось бы, что еще нужно женщине для счастья? Но всем этим благам Рената предпочитает сексуальную свободу. И пусть ее называют развратной, пусть презрительно смотрят вслед, она готова отдать душу за сладкие постельные забавы. А что же мужчины?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	49
Глава 6	65
Глава 7	79
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Якоб Вассерман

Свободная любовь

Глава 1

В середине сентября произошел удивительный случай, о котором потом несколько дней напролет говорил весь Мюнхен.

По вечерам в окрестностях академии и университета бывало оживленно. На одной из улиц, которые пересекаются здесь под прямыми углами, стоял ветхий дом старинной архитектуры. В тот самый час, когда студенты обычно расходились с последних лекций, на крыльце этого дома раздался громкий крик, вслед за которым из ворот на улицу выбежала совершенно голая девушка, руки ее были подняты кверху, словно для защиты от какого-то тяжелого предмета, падающего с неба. Все время, пока обнаженная бежала от расположенной во дворе мастерской художника до оживленной улицы, она продолжала беспрестанно вопить. Движение на улице сразу прекратилось; откуда ни возмись, сбежалось множество народу. Окна квартир открывались, и в них появлялись испуганные лица, на которых испуг мало-помалу уступал место игривому настроению.

Вокруг девушки образовался кружок студентов. С роб-

кой и комической беспомощностью смотрели они на обнаженную, которая теперь лежала на земле. Лицо девушки было закрыто руками; распущенные короткие золотисто-каштановые волосы едва закрывали шею; смуглая кожа время от времени подергивалась, как у нервных животных. Кто-то предложил позвать врача, но среди присутствующих не оказалось ни одного медика. Одни зрители были бледны, другие смущенно улыбались, третьи имели суетливый, озабоченный вид, иные были заинтригованы, точно спектаклем, и напряженно ожидали продолжения событий; некоторые замечали, что общественной нравственности угрожает опасность. В целом же, независимо от внешнего проявления своих эмоций, все эти люди выражали живую заинтересованность происходящим. Сотни глаз не отрываясь следили за каждым движением девушки, рассматривали каждый волнующий изгиб ее упругого тела. Когда же смуглая нимфа судорожно сжала ладонью грудь, пытаясь спрятать ее от любопытных взглядов, по толпе пронесся слабый стон, а некоторые юноши едва не перестали дышать от нахлынувших чувств. Впрочем, стоит ли удивляться – в пору, о которой идет речь, созерцание обнаженной натуры для большинства студентов было удовольствием недоступным. Если, конечно, не считать снимков полураздетых красоток варьете, которые передавались друг другу, словно ценные реликвии, хранились под подушками и оттого были невероятно потрепаны.

Тем временем кольцо становилось все теснее, потому что

стоявшие позади напирали на передних. Наконец, прокладывая себе дорогу локтями, к лежащей на земле девушке пробрался какой-то мужчина, опустился на колени и бережно прикрыл ее своим длинным светло-серым плащом. Потом он попытался приподнять голову обнаженной, но неожиданно встретил судорожное сопротивление.

Тогда склонившийся человек жестом подозвал кого-то из стоявших рядом молодых людей. Еще один студент вызвался помочь, и вместе они подняли девушку; толпа машинально расступилась, освободив узкий проход, и трое людей поспешно направились со своей ношей к тому самому дому, из ворот которого выбежала эта восточная красавица. Им удалось закрыть ворота, прежде чем туда успел сунуться кто-нибудь из зевак, и задвинуть большой ржавый засов. С улицы в ворота начали стучать и колотить; потом послышались крики и свист, спустя некоторое время все стихло.

Когда шум снаружи прекратился, трое мужчин слышали тихий плач молодой девушки, не отнимавшей рук от лица. Подъезд, в который они вошли, был пуст; плачущая красавица не говорила ни слова; во всем доме не было слышно ни звука.

– Что же нам теперь делать, господин Вандерер? – спросил один из молодых людей (его звали Давиль) с тенью злорадства на лице. Возможно, впрочем, что выражение злорадства обуславливала назойливо-застенчивая улыбка, почти не сходявшая с его лица. Но в этот миг улыбка на время исчез-

ла, потому что через двор поспешно шел неуклюжей походкой человек лет тридцати пяти. Подойдя к обнаженной, он склонился над ней и прошептал с выражением пламенного чувства на лице: «Гиза! Гиза!» Потом он легко подхватил лежавшую девушку на руки, что было удивительно при его слабом телосложении, пересек с нею двор и вошел в дверь квартиры на нижнем этаже.

Давиль отворил ворота и тотчас же был подвергнут допросу двумя полицейскими очень строгого вида. Вокруг стояли группами сотни людей, которые с любопытством начали снова тесниться к воротам. В эту минуту с лестницы спустились две молодые дамы, одна стройная, бледная, с аристократичной внешностью, другая с вульгарным смехом и говором. Вандерер невольно обратил внимание на задумчивое выражение лица первой, которую спутница назвала Ренатой. В этом лице было нечто, имевшее таинственную связь с происшествием, свидетелем которого он только что был. Обе дамы сели в коляску, стоявшую на противоположной стороне улицы, и уехали.

Подошел жандарм, надменно оглядел с ног до головы Вандерера, сделавшего вид, будто он здесь стоит в ожидании кого-то или чего-то, и важно зашагал во двор.

Собственно, стоял Вандерер в ожидании собственного плаща, а может быть, и чего-то гораздо большего. Образ обнаженной девушки затронул в его душе какие-то дремавшие

струны. Нет, нагая красота не была для него в диковинку. В отличие от сотен юношей и молодых мужчин, не имевших гроша за душой и воспевавших любовь во всех ее проявлениях, Вандерер располагал достаточными финансовыми средствами и время от времени спускал их в борделях с девицами, готовыми разделить предрассветные часы с каждым, кто мог платить. Были среди них и страстные восточные дивы, и белокурые хохотушки – с кем только не забавлялся Вандерер, щедро благодаря их звонкой монетой. С этими красавицами, не знающими стыда и устали в постели, он многому научился и многое узнал. Непознанной осталась лишь любовь. Именно ее смутным предвкушением наполнилось в этот миг сердце Вандерера.

Толпа начала таять в легком сентябрьском тумане, спустившемся на улицы. Наконец появились два репортера, которые с глуповатым видом принялись изучать местность, точно никогда прежде не видели ни крыльца, ни двора. Наверху открылась дверь, и на лестнице послышались звуки рояля. Снова появился жандарм в тяжелых, внушающих уважение сапогах.

Когда никого не осталось поблизости, Вандерер вошел во двор и, набравшись мужества, отворил манившую его дверь. Но тот самый человек, который унес девушку, преградил ему путь и вышел вместе с ним во двор. На нем была маленькая зеленая шапочка: густые рыжевато-белокурые усы на польский манер висели вниз. На руке мужчины был плащ, и, по-

давая его Вандереру, он медленно произнес:

– Она желает побыть одна. Надо дать ей успокоиться.

Потом прибавил, устремив глаза вдаль, с ораторским ударением на словах:

– Представьте себе трагедии всех человеческих душ собранными в одной – и вы получите объяснение того, чему только что были свидетелем.

Вандерер сделал сначала глубокомысленное лицо, потом представился и покраснел, потому что это показалось ему мальчишеством. Человек в зеленой шапочке отвернулся, будто не слыша ничего; сжав губы и закрыв глаза, он, очевидно, переживал тяжелую внутреннюю борьбу. Через минуту он повернулся к Вандереру и равнодушно пробормотал:

– Зюссенгут. Христиан Зюссенгут.

Потом они вдвоем пошли по улице по направлению к академии. Зеваки там все еще не успокоились, и каждый придумывал объяснение, одно пикантнее другого. Вандерер не хотел проявлять любопытство и молча шагал рядом с человеком в зеленой шапке. Зюссенгута, по-видимому, знали многие, ему часто кланялись, большею частью с почтительной сдержанностью, исключавшей близкие отношения. Наконец он обратился к Вандереру с несколькими безразличными вопросами. Он забыл, как его зовут. «Анзельм Вандерер». – «Откуда вы родом?» – «Из Вены. Там долго жили мои родители. Но родился я во Франкони, в Нюрнберге». – «Что вы изучаете, охотно ли занимаетесь наукой?» – «Нет, душа

моя остается равнодушной». – «Так вы, быть может, из породы скитальцев?» – «Нет, я вовсе не скиталец; скорее флегматик». – «Университетская наука проникнута рутинной, она губит в молодых людях девять десятых их индивидуальности».

При упоминании науки Зюссенгут вдруг ударился в пафос, как будто пафос был единственной привычной для него атмосферой. Жесты его сделались широкими, подчеркнута благородными, словно он выступал на форуме. На прохожих он перестал обращать внимание. Вандерер соглашался с ним, вставляя время от времени соответствующие замечания, которые Зюссенгут принимал с преувеличенным восторгом. У Вандерера минутами было такое чувство, как будто он присутствует на театральном представлении. Он чувствовал себя неловко и соглашался иногда не совсем искренно.

– Куда же вы идете? – спросил Зюссенгут, как будто они были знакомы целую вечность. Вандерер стал объяснять, что ему надо зайти к знакомым. Но тот уже не слушал его. К Зюссенгугу с радостным смехом подбежала хорошенькая нарядная девочка. Он наклонился к ребенку, и на лице его появилось выражение болезненного экстаза, восторга, граничащего со страданием. Казалось, сверхчеловеческая любовь и преданность нашли наконец в нем свое исчерпывающее выражение. Вандерер поклонился и ушел.

Осень, чудная золотая осень! Пора итогов и начинаний, думал Анзельм Вандерер, спускаясь к английскому парку, расцветенная листва которого вырисовывалась изящным узором на фоне темнеющего неба. Предвечернее оживление царило на улицах. Вандерер шел, и смутные волнующие сердце образы всплывали в его сознании. Ярким пламенем вспыхивали пробуждающиеся желания и гасли, растворяясь в серых тонах надвигающейся ночи. Его упорно преследовал образ Зюссенгута, отталкивающий и притягательный, загадочно сливающийся с его собственной индивидуальностью.

Четверть часа спустя Вандерер звонил у подъезда своей приятельницы, старой баронессы Терке.

У Терке его встретили радушно. В последний раз они виделись в Вене год тому назад. У баронессы была масса новостей, и она одну за другой выкладывала их без всякой связи Вандереру. Ее лицо напоминало раскрашенную мумию; волосы лежали искусными завитками. Она страдала одышкой, но старалась выглядеть забавной и любезной.

Баронесса была неиссякаемым источником новостей и нередко высказывала вскользь мысли, которые слушатели записывали потом в дневник как «максимы и изречения». Иногда ее неудержимый смех сменялся свинцовым полусном морфинистов, после которого она встряхивалась, лихо ударяла себя по бедрам и, изображая беспечную улыбку, продолжала разговор, о котором другие уже давно забыли. Этими другими, кроме Вандерера, были ее невестка гра-

финя Терке, полная достоинства аристократка, и племянница Адель, с трудом сдерживавшая лукавую веселость своего легкомысленного нрава.

Они сидели в ярко освещенной комнате, обитой пурпуровой материей. За окнами уже господствовал вечер, наполняя улицу голубым сумраком. Сидя в этой комнате, где годами не случилось ничего важного, среди людей, застывших в своей аристократической неизменности, Анзельм Вандерер думал о жизни, полной борьбы и опасностей, подобно мальчику, читающему страшные рассказы за семейным столом.

Графиня Терке, со своими серебристо-белыми волосами, имела вид королевы эпохи рококо; она то ли сострадательно, то ли насмешливо слушала болтовню баронессы, рассказывавшей о своей собаке, – и эта тема грозила затянуться до бесконечности. Тигр был замечательной собакой; жаль только, что жир не позволял ему бегать, к тому же у этого пса было только три ноги, готовые его слушаться. Ни одна подушка не была для него достаточно мягка, никакое лакомство достаточно хорошо, никакая ласка достаточно нежна; а когда Тигр оставался один, то перед его постелью ставили зеркало, чтобы умиловить созерцанием собственного «я». Тут история с зеркалом напомнила случай с одной дамой, которая до тех пор стояла перед зеркалом, пока не сошла с ума. Этот случай имел связь с другим, в высшей степени интересным происшествием, о котором стоило вспомнить. Но этот рассказ был прерван приходом молодой особы, при виде кото-

рой Вандерер побледнел. Ему тотчас же представился дом на Амалиенштрассе, на лестнице которого он видел эту же самую стройную, бледную девушку. Молодая графиня представила ее и села с фрейлейн Фукс на оттоманку.

Анзельм Вандерер вдруг стал разговорчивым и, внутренне робея, наговорил много лишнего.

– Не странная ли случайность, – обратился он к молодой девушке, – что я встречаю вас сегодня во второй раз, фрейлейн, и именно здесь?

Молодая девушка повернула к нему лицо и удивленно посмотрела на его воротник. Он смутился, хотел подробнее рассказать о встрече с нею и о случае, который предшествовал ей; но в конце концов рассказал только о своем знакомстве с Зюссенгутом. Нанизав целый ряд предложений в виде фельетона, он заметил, что рассказ его встретил мало сочувствия. Только глаза фрейлейн Фукс были неотступно обращены на него. Это были черные глаза, походившие в полумраке комнаты на блестящие уголья, – глаза, которым недоставало глубины.

– Вы знаете его? – спросил Вандерер.

– Этого еврея? Нет.

– Вы презираете его за то, что он еврей?

Она пожала плечами и открыла рот, что придало ее лицу детски беспомощный вид.

– Мне много рассказывали о нем мои подруги, – прибавила она тише, опуская глаза.

На этом беседа завершилась; с этой минуты каждый из них под шум разговора был занят только своими мыслями.

Анзельм и фрейлейн Фукс собрались уходить одновременно. Ее экипаж ожидал внизу, но так как вечер выдался прекрасный, то ей захотелось пройтись пешком, если Вандереру не покажется скучным проводить ее. Когда они спустились с лестницы, Вандерер любовался свободной грацией движений Ренаты. В ней не было и следа сдержанности и чопорности, присущих молодым женщинам ее круга.

Был необычный вечер. Полузадернутые туманом фонари, точно лампы, висели в пространстве; воздух как будто дымился и делал невидимым все, что нарушало гармонию близящейся ночи. Они шли медленно и, можно сказать, бездумно. Наконец Вандерер сказал, где он видел Ренату несколько часов тому назад. Теперь ей стало понятно замечание, смысл которого он не хотел объяснять в присутствии Терке. Фрейлейн Фукс остановилась, и ему показалось, что она вдруг стала выше ростом; со свойственной ей особенной манерой она полуоткрыла рот, как бы ища ответа. Вандерер, странно взволнованный, спросил, что, собственно, она имеет против Зюссенгута.

– Во-первых, я ненавижу евреев! – ответила она.

– Серьезно? – Вандерер улыбнулся.

– А разве вы еврей? – спросила Рената Фукс, тоже улыбаясь.

– Нет, но я мог бы им быть, и тогда вы бы славно попались. Но вы сказали «во-первых». А во-вторых?

– Весь город знает, чем занимается этот субъект. Детям он пишет письма. В каждую девушку он влюблен. Кроме того, он проповедует вещи, о которых другие не смеют и подумать, проводит время в кошмарных местах, с ужасными женщинами. Так, по крайней мере, мне говорили о нем.

– Однако, по-видимому, он вас все-таки интересуется?

– Меня? Очень мало. Но есть женщины, которые бредят им, не знаю почему. Хотя, впрочем, – тихо и задумчиво прибавила она, – он считается спасителем женщин и девушек.

– Как так спасителем? От чего же он их спасает?

– От мужчин.

– Какая нелепость!

– Вот видите! – с торжеством сказала Рената, как будто теперь наступил конец ее сомнениям.

– Я совершенно не понимаю. Что же это за спасение?

– Я не смогу объяснить вам сути теми же словами, какими мне об этом рассказывали.

Столь наивное признание тронуло Вандерера.

– Он говорит, – медленно продолжала она, снова замедляя шаги, – что все телесные добродетели, которых требуют от нас мужчины, не что иное, как ложь и обман. По его мнению, в этом причина того, что многие, многие женщины гибнут.

Ее слова испугали Анзельма Вандерера не столько содержанием, сколько тем, что девушка говорила подобные вещи

ему, человеку, имя которого едва знала. Рената Фукс, как бы читая его мысли, продолжала (теперь было ясно, насколько захватывала ее данная тема):

– Вы удивляетесь, что я, девушка хорошего круга, говорю с вами об этом? Но не правда ли, этот Зюссенгут глупец?

– Вероятно, фрейлейн.

– Однажды я сама слышала его речи. Это было под аркадами; я сидела с Аделью Терке на ближайшей скамейке, и Адель все время хихикала. С ним было несколько друзей. Он был очень странен. И знаете, что он сказал: мужчина может пасть, женщина же – никогда!

Вандерер молчал, опустив голову. Он будто увидел перед собою Зюссенгута с его вдохновенной декламацией. Чем был этот маленький, бледный человечек в зеленой шапочке и охотничьей куртке, помимо своих пламенных речей?

– А потом он сказал, – продолжала молодая девушка, совершенно погруженная в свои воспоминания, – у женщины асбестовая душа; она остается невредимою в огне жизни.

– Однако как твердо запомнили вы его афоризмы! Оригинальное редко бывает истинным.

Вандереру хотелось критиковать, но он почувствовал, что в эту минуту не способен аргументированно спорить.

– Душа, душа! – продолжала Рената. – Хотелось бы мне, чтобы вы поглядели на моих подруг. У них вовсе нет души. Это живые манекены в модных платьях, мечтающие о замужестве, и больше ничего.

Разговор прервался. Они подошли к темневшему внизу Изару. Обрамленная двумя уходящими рядами фонарей темнота напоминала огромного спящего червя. Река шумела, но этот шум только подчеркивал тишину ночи.

Рената остановилась перед воротами сада на улице Марии Терезии. Лицо ее стало спокойным, и глаза утратили блеск. Она время от времени дула на вуаль, чтобы отстранить ее от лица; вероятно, благодаря этой привычке девушка часто приоткрывала рот, и тогда сверкали белые мелкие зубы.

– Завтра у нас дома большое торжество, – промолвила она.

– Вот как! Не день ли вашего рождения? Рената улыбнулась, неподвижно устремив глаза на фонарь экипажа.

– Завтра моя помолвка. Но я говорю об этом только вам. Пока никто не должен о ней знать.

Ее лицо было ярко освещено фонарем. В его выражении было что-то детское, и в то же время оно было полно невыразимого обаяния женственности. Прекрасно очерченный рот был очень подвижен; на висках постоянно выбивались непокорные прядки волос. Она склонила голову к левому плечу и улыбалась.

Глава 2

«Дорогой брат! Я в полной мере предоставляю тебе распорядиться моим капиталом по своему усмотрению. Доверенность я вышлю на днях. Я абсолютно полагаюсь на твой опыт в подобных делах и согласен на все твои предложения, тем более если это связано с выгодой для твоего общественного положения. Хотя с меня вполне достаточно десяти тысяч гульденов в год, но я согласен с тобой, что получать двенадцать было бы еще лучше.

Я живу здесь точно так же, как жил в Вене, и все еще не определился со своим призванием. Я знаю, ты опять будешь упрекать меня. Но могу ли я измениться, да и зачем мне меняться? Я живу в свое удовольствие и понемногу втягиваюсь в роль фланера, наблюдателя; а если я, как ты утверждаешь, немножко сентиментален, то надеюсь, что жизнь при каком-нибудь подходящем случае выколотит из меня излишек чувствительности. Ты желаешь, чтобы я основательно, по уши влюбился? Я не стремлюсь к этому и не думаю, что следующее обыкновенно за пылкой влюбленностью отрезвление побудит меня избрать то, что ты называешь определенным положением в жизни. Занятия мои однообразны. Меня интересуют все отрасли знания, в особенности же химия. Мой последний счет из книжного магазина дошел до трехсот марок. Лекции я теперь посещаю реже. Беллетристи-

ка, как тебе известно, меня мало интересует. Только Бальзак начинает мне доставлять удовольствие. Ты напрасно упрекаешь меня в лености и безделье. Если бы я был заурядным шалопаем, твои упреки были бы основательны, но я имею смелость ценить себя несколько выше. Несмотря на видимую праздность, в более утонченном смысле, я всегда занят. Всякое призвание есть добровольное самоограничение. Люди, имеющие призвание, живут как бы в полусне; только мечтатели, у которых глаза открыты на весь мир, живут полной жизнью.

У меня здесь очень элегантная квартира на Королевской улице. Есть даже одна комната в японском стиле. Из окон – вид на английский парк. На днях собираюсь съездить в Нюрнберг. Скорым поездом туда всего пять часов езды. Из Нюрнберга я найму почтовую карету и помчусь на нашу родину, которую видел только глазами младенца. Ты ухмыляешься, скептик! Но признаюсь тебе: сознание, что я родился не расслабленным изнеженным венцем, а вышел из другого, более жизнеспособного племени, ободряет и успокаивает меня. Шлю сердечный привет и надеюсь скоро о тебе услышать.

Твой Анзельм».

Анзельма Вандерера тянуло к Зюссенгуту, но он не мог подыскать для визита подходящий предлог. Его влекли к Зюссенгуту смутный страх и непонятная враждебность, бес-

сознательное стремление глядеть опасности прямо в глаза. С другой стороны, в его ушах все еще звучал жалобный плач обнаженной девушки. Зюссенгут жил в предместье Богенгаузен, в последнем доме города, по его собственному выражению; за ним уже расстилались поля и луга.

Христиан Зюссенгут сидел в саду в обществе худощавого печального человека, которого называл Стиве. Здесь была еще молодая девушка, при виде которой Вандерер почувствовал странное волнение. Ему были знакомы эти золотисто-русые волосы и стройная шея.

– Это Гиза Шуман, – просто сказал Зюссенгут.

Он был, казалось, несколько удивлен посещением Вандерера и как будто не помнил, когда с ним познакомился. Анзельм вовсе не старался извиняться; недовольный собою, он сел и безмолвно слушал разговор обоих мужчин или делал вид, что слушает. Гиза Шуман все время молчала, и никто, казалось, не ожидал, что она заговорит. У нее было лицо восточного типа, дышавшее жизнью и энергией и в то же время полное печали. Ее гибкое стройное тело, хоть и скрытое сейчас складками простого длинного платья, было призывом к любви и страсти. Каждый раз, когда начинал говорить Зюссенгут, она поднимала глаза и смотрела на него с непередаваемым выражением. Все в ней трепетало избытком чувств.

Разговор между Стиве и Зюссенгутом был довольно монотонен. Вдруг Вандерер услышал имя Ренаты Фукс и насто-рожился.

– Она скоро станет герцогиней, – сказал Стиве, грызя конец своего уса.

– Герцогиней? Что это значит?

– Вчера была ее помолвка с герцогом Рудольфом.

– Неужели? – спросил с преувеличенным удивлением Зюссенгут.

– Об этом напечатано сегодня во всех газетах.

– Но, слушайте, разве это принято?

– Очевидно.

– Так, по-вашему, я бы тоже мог жениться на герцогине?

– Конечно, если бы вы были так же богаты и красивы, как Рената Фукс.

– Ее миллионы – ничто в сравнении с сокровищами моего внутреннего мира, и, в конце концов, если женщина – герцогиня в душе, с меня довольно. Если бы я встретил женщину, способную воспринимать так же, как и я, цвета, звуки, природу, радость и скорбь, она была бы равной мне. Большого не оставалось бы желать. Мне даже не нужно было бы на ней жениться. Пусть она выходит замуж за другого, а мне отдаст свою душу.

Зюссенгут произнес все это со свойственным ему пафосом. Говоря, он то прищуривал глаза, то снова широко открывал их, сжимал кулак или проводил красивой белой рукой по напряженному лбу; все вместе это производило театральное впечатление.

Побледневшая Гиза поднялась и медленно подошла к ко-

лодцу. Облокотившись о его край, девушка заглянула в глубину и закрыла глаза. Слышно было, как шумели деревья, с которых падали пожелтевшие листья; из дома доносились звуки расстроенной фисгармонии. Как только она отошла от мужчин, Зюссенгут воскликнул безнадежным тоном:

– Ну, куда же ее теперь пристроить, скажите ради бога?

– Необходимо срочно это решить, – энергично сказал Стиве.

Он сделал мрачное и нетерпеливое лицо, как будто сказал что-нибудь важное, не терпящее возражений.

– Не может же она оставаться на улице. Нельзя ли будет поместить ее к фрейлейн Ксиландер?

Стиве пожал плечами, отчего шея его совершенно исчезла. Он бросил смущенный взгляд на Вандерера и ответил с улыбкой, такой же кроткой, апатичной и робкой, как и звук его голоса:

– Наши средства не позволяют нам сделать этот христианский поступок. Впрочем, Анна сама придет сюда.

– Да, вы правы, это было бы христианским поступком! – воскликнул Зюссенгут. – Но царство небесное закрыто для нашего брата, потому что мы не имеем возможности давать. А те, кто, улыбаясь, сидят на бархатных подушках, способны давать?

Последнюю фразу он произнес с ненавистью и передразнил при этом кого-то. Вандереру показалось, что он видит карикатуру своей приятельницы Терке, и он рассмеялся, хо-

тя глубоко опечаленное лицо Стиве смущало его.

Зюссенгут мрачно посмотрел в направлении города. Потом наклонился к Вандереру, горячо схватил его за руку и прошептал:

– Посмотрите на это создание. Вы не можете себе представить, что это за чудо нежности и внутреннего благородства. Это капиталистка сердца. И она должна погибнуть, потому что какой-то...

– Тише, – остановил его Стиве. Зюссенгут, бледный как смерть, замолчал, тяжело дыша и закусив губы. Вандерер посмотрел на Гизу Шуман, все еще стоявшую неподвижно, склонившись над колодцем.

Стиве встал и прислонился к акации. Вандерер заметил, что его голова была слишком мала относительно туловища; это придавало его неряшливой наружности беспомощный вид.

– Отверженное существо, – гневно пробормотал Зюссенгут и сделал такую гримасу, как будто почувствовал горечь во рту.

Он поправил шапочку и направился к Гизе. Потом они оба отошли к группе серебристых тополей в глубине сада.

– Почему же фрейлейн не может остаться здесь? – спросил Вандерер, пристально глядя на Стиве.

В эту минуту в сад вошла Анна Ксиландер. Анзельм угадал, что это она, потому что лицо Стиве изменилось. На нем появилось выражение любезной снисходительности и ласко-

вого превосходства, что по отношению к мужественной и, видимо, очень энергичной девушке было довольно комично.

Она небрежно поцеловала его в щеку и спросила:

– Где же Гиза?

Она подошла к Зюссенгуту и Гизе, стоявшим у колодца, и между ними завязался оживленный разговор. Гиза Шуман схватила руку Анны, расстроенное лицо которой стало как будто старше. Только ее честные голубые глаза оставались молодыми.

Тем временем из тумана выглянуло солнце, безучастно озаряя предметы свинцовым блеском. Зюссенгут с наслаждением огляделся вокруг, держа в руке свою зеленую шапочку. Струи свежего, пряного осеннего воздуха проносились по саду. Анна Ксиландер начала рассказывать о помолвке фрейлейн Фукс. Один из ее знакомых давал уроки в доме фабриканта, и она передавала то, что слышала от него о нравах этого дома, со свойственной ей грубоватой иронией.

– Люди проходят там жизненный путь словно поезда: каждый катится по своим рельсам. Этот дом настоящая сортировочная станция, где внимательно следят за тем, чтобы не произошло столкновения. Все поезда пусты, за исключением Ренаты. Она – маленький скорый поезд, наполненный нетерпеливыми, стремящимися вдаль пассажирами.

Все громко рассмеялись, даже Зюссенгут ухмыльнулся. Он слегка потрепал Анну Ксиландер по колену и сказал:

– Молодчина! Вот человек, который не склоняется ни перед какими идолами. По-моему, в этом и заключается искусство жить.

– Удивительный это будет брак, – сказал Стиве с такой печалью в голосе, что Анна Ксиландер насмешливо спросила, не голоден ли он.

Зюссенгут заговорил с пафосом. Гиза подошла к нему сзади и успокаивающе положила обе руки ему на плечи.

– Брак? И вы это называете браком? Сделку, в которой один гонится за красивой внешностью и миллионами, а другая – за громким титулом? Разве могут они когда-нибудь слиться, как воды двух потоков? Испытают ли они когда-нибудь мистический трепет такого слияния? Нет! Каждый будет изнывать от внутреннего одиночества. Никакая весна, никакая лунная ночь не сможет ничего поведать этой Ренате Фукс, никакая радость не будет ей доступна; увянет все, к чему бы она ни прикоснулась. Разве это не преступление? Когда женщина идет предназначенным ей природою путем, то она делается носителем счастья. Каждый счастливый человек предотвращает десять преступлений. Таково мое мнение. А подобный брак есть мать десяти преступлений.

Речи Зюссенгута имели в себе нечто обволакивающее и уничтожали желание возражать.

– Фрейлейн Фукс приедет сюда, – сказала Гиза Шуман. Это были ее первые слова, и все изумленно устремили глаза на ее красные губы. Анна Ксиландер улыбнулась ей ободря-

ющей улыбкой. Так как это сообщение, очевидно, смутило общество, Гиза сконфузилась.

– Она хочет писать с меня, – тихо продолжала девушка, – она уже начала. Я не знала, где она может видаться со мною, иначе как здесь, в вашем саду, господин Зюссенгут. Сначала она не хотела, потом сказала «да». Это было два дня назад. Она хочет писать эскиз пастелью. Она платит мне десять марок за час.

– О, это по-княжески, – сказала Анна.

– Она пишет твой портрет, – презрительно заговорил Зюссенгут, – знатная дама оказывает тебе милость. За десять марок в час она пользуется твоим самым большим сокровищем – красотой твоего тела, которому ты сама пока не знаешь цены. Но кто знает, может быть, когда-нибудь она придет к тебе, Гиза, и предложит свою герцогскую корону за твою печальную свободу.

Вандерера поразило, что Зюссенгут говорил Гизе «ты», тогда как она почтительно называла его господин Зюссенгут. Анзельм был взволнован всем, что происходило вокруг него, а сообщение Гизы вызвало в нем состояние беспокойного ожидания, которое, как ему казалось, испытывали и все присутствующие.

– Я полагаю, что она приедет только ради вас, – уныло сказала Гиза Зюссенгуту. Вандерер невольно кивнул головой, а Зюссенгут удивленно посмотрел на нее.

– Мы ей покажем, если она вздумает важничать, – сказала

Анна Ксиландер и захохотала грубым, циничным смехом.

Зюссенгут попросил ее подняться наверх и сыграть что-нибудь на фисгармонии. Его кухни сейчас находились на кухне, и никто не мог ей помешать. Анна провела рукой по лбу, точно еще раз хотела припомнить все свои заботы, и направилась к дому.

Анзельму Вандереру казалось удивительным, что женщины так беспрекословно исполняют желания Зюссенгута. Очевидно, у него была над ними какая-то таинственная власть. Анна Ксиландер яростно забарабанила по клавишам, в резких диссонансах выражая свой неукротимый темперамент. Потом она успокоилась и заиграла мирное *andante*.

Зюссенгут сидел на краю колодца и держал руку Гизы в своей руке, тихонько подпевая. Потом он неожиданно поднялся и, приложив руку ко лбу в виде козырька, стал смотреть на улицу, на которой показался вдали элегантный экипаж.

Глава 3

Фрейлейн Фукс дружески кивнула Анзельму и подошла к Гизе и Зюссенгуту. Она извинилась перед молодой девушкой за то, что сегодня не сможет писать с нее, а попробует начать через несколько дней. Затем она заговорила с Зюссенгутом. Сначала беседа носила характер светской болтовни, потом стал говорить один Зюссенгут, спокойно и непринужденно, немного рисуясь. Рената внимательно слушала, глядя в землю и чертя по песку изящным зонтиком. Время от времени она поднимала голову, чтобы (Анзельм улыбнулся подмеченной им черте) подуть на вуаль. Линии на песке становились все запутаннее, рука, чертившая их, все беспокойнее. Наконец, она решительным жестом подала руку Зюссенгуту и подошла к Вандереру, который торопливо прощался со Стиве, точно его ожидали неотложные дела.

– Я вас так давно не встречала, – сказала она.

Ему показалось, что Рената успела измениться. Ее улыбка была мимолетна, почти машинальна, движения вялы; глаза, когда она поднимала веки, были широко открыты.

– Не хотите ли опять немножко проводить меня? Я с удовольствием пройду пешком до города.

Когда они вышли за калитку, девушка сказала:

– Нужно пользоваться свободой, пока не поздно!

– Разве вы не думаете, что замужество еще более расши-

рит рамки вашей свободы, фрейлейн?

Она посмотрела на него искоса.

– Не смейтесь над тем, что я сейчас скажу. Я очень люблю лошадей, охоту, леса, собственную яхту – всем этим я скоро буду обладать. И, однако, иногда мне кажется, что это совсем не то, что мне нужно.

– Не ведут ли вас ваши поверхностные желания совсем в другую сторону?

– Кто знает... Как много хотелось бы мне вам рассказать, – прибавила она почти тоскливо.

– Я думаю, вы бессильны противостоять какой бы то ни было воле, стремящейся подчинить вашу. Поэтому вы беспокойны, как магнитная стрелка.

– Как странно, – промолвила она, останавливаясь.

– Что?

– То же самое сказал Зюссенгут.

Он заметил ее недоверчивый взгляд и пожал плечами.

– В сущности, то, что я сказал, очень банально.

– Нет, насчет магнитной стрелки.

– Я никогда не говорил с Зюссенгутом о вас.

– Это начинает меня тревожить, – прошептала Рената.

Они продолжали разговор, с виду поверхностный и в то же время полный значения, начав игру взаимного искания, в которой простые слова приобретают иной, скрытый смысл. Рената остановилась на перекрестке и сказала с восторгом:

– Здесь так хорошо, что мне не хочется идти дальше. И

она крикнула подъехавшему кучеру, чтобы тот вернулся назад и подождал ее у ресторана.

– Посмотрите, как все сверкает и блестит! Это ласточки, там вверху? Солнце такое бледное, а лес фиолетовый. С этой стороны бескрайняя равнина. Когда я была ребенком, то думала, что за ней кончается свет и если туда дойдешь, то упадешь вниз, точно с крыши.

Анзельм задумчиво спросил, пользуется ли она полной свободой.

Она мечтательным взором посмотрела вдаль, потом ее лицо вдруг подернулось грустью, и она прошептала:

– Я ищу.

– Вы ищете?

Девушка повернулась к Вандереру и пристально посмотрела на него. Она побледнела, и взор ее принял выражение томительного ожидания.

– Я ищу человека, которому могла бы доверять. Испуганный этими простыми, но обязывающими словами, он безмолвно смотрел на нее.

– Видите, – тихо продолжала она, – вон там моя карета. Она принадлежит мне одной. Когда я езжу по улицам, то смотрю на встречные лица, мужские и женские. От женщин я давно уже ничего не ожидаю. Вы должны как-нибудь прийти к нам и познакомиться с моими сестрами и подругами. Тогда сами увидите, можно ли от них чего-нибудь ожидать.

Она сняла белую перчатку и подняла вуаль.

– Вы страдаете, – сказал серьезно Анзельм и сделал движение, как будто хотел взять ее за руку.

– Да, мне тяжело, – произнесла она так, будто только что пришла к этому убеждению.

– Мне бы не хотелось быть навязчивым, но если вы позволите, то моей жизненной задачей будет приобрести ваше доверие, если его нет, или оправдать его, если оно есть.

– Герцогиня Рената, – не правда ли, звучит красиво? – спросила она удивленного Анзельма, которому этот вопрос показался как нельзя менее следующим из предыдущего. Но, взглянув на девушку, он увидел, что она борется со слезами, стараясь улыбнуться.

– Не можете ли вы сказать мне, что вас мучает? – спросил он.

– Больше всего Эльвина Симон, – вырвалось у нее, и взгляд ее стал странно беспокоен.

– Эльвина Симон? Кто она такая?

Рената познакомилась с Эльвиной Симон три года тому назад. Летом девушка иногда приходила в дом фабриканта, и они устраивали различные игры. Они познакомились у синьоры Миджели, у которой брали уроки итальянского языка, – Эльвина собиралась поступить в контору своего брата в Милане, а Рената занималась для развлечения. Эльвина, жившая со своей бедной матерью, платила за уроки очень мало. Но об этом Рената узнала гораздо позже.

Эльвина была кроткой и гордой девушкой. У нее была миниатюрная изящная фигура. Если бы не озабоченное выражение, лицо ее было бы почти красиво. Когда с ней заговаривали, она улыбалась неопишуемой улыбкой: с любовью и нежностью, словно прося о снисхождении. Ее глаза, желтовато-серые днем, вечером темнели, становились темно-синими, сияющими, влажными, тихими, задумчивыми.

Рената любила эту девушку, но относилась к ней со странной сдержанностью, причина которой лежала в самом существовании Эльвины. Она была полна почтительности, никогда не говорила чего-нибудь, что можно было бы превратно истолковать, не жаловалась, не была недовольна. Рената хорошо помнила красное летнее платье с черной бархатной отделкой, которое Эльвина всегда носила и в котором она казалась еще тоньше и стройнее. На улице на нее часто смотрели, но в своем простодушии она не замечала взглядов ни мужчин, ни женщин.

Однажды днем, в мае, подруги гуляли по берегу Изара. Эльвина рассказывала о своей матери, что делала очень редко: она оживленно говорила, иногда смеялась и при этом смотрела на Ренату, как будто спрашивая, хорошо ли это. Вдруг она остановилась, прижала руку к груди, и губы ее задрожали. Рената, встревоженная, спросила, что с ней, но та не ответила. Они повернули обратно, и, когда пришли к дому Эльвины, там оказались чужие люди. С ее матерью случился удар, она была мертва. Эльвина не сказала ни слова.

Она сидела с неподвижным взором. Рената горячо просила ее пойти с ней, но она не слышала. Рената оставалась с ней до ночи. На следующий день Рената заболела; она написала Эльвине, но не получила ответа, а когда через неделю выздоровела и пошла к подруге, квартира оказалась пуста, и Ренате сообщили, что Эльвина уехала с братом.

С тех пор прошло три года. Несколько дней тому назад Рената опять встретила Эльвину.

Она шла домой пешком, потому что в экипаже сломалось дышло. В том районе есть несколько улиц, пользующихся дурной славой; там можно увидеть лица, каких в городе не встретишь. Но Рената шла без страха, хотя уже наступила темнота. Мимо нее проходили мужчины и женщины, возвращавшиеся с работы, с грохотом проезжали тяжелые возы. Вдруг Рената увидела знакомое лицо, как раз в тот момент, когда сзади нее зажегся фонарь. Она испугалась, но потом успокоилась и остановилась. Перед ней стояла девушка и смотрела на улицу, полную людей и пыли. Рената решила, что это не может быть Эльвина, но, когда собралась пойти дальше, та взглянула на нее. Сначала она равнодушно, а потом почти гневно оглядела нарядное платье, потом побледнела, как полотно. Рената окликнула подругу по имени; та улыбнулась каменной улыбкой и продолжала улыбаться, когда они рядом пошли дальше. Сначала Эльвина шла медленно, и Рената стала спрашивать ее, где она теперь, как ей живется, куда она пропала. Девушка не отвечала и шла все

быстрее; вдруг, когда Рената, запыхавшись, уже едва переводила дыхание, Эльвина остановилась в мрачном маленьком переулке за пивоварней. Она взяла Ренату за руку, увлекла ее в темные ворота какого-то дома и сказала, что теперь Рената должна уйти, дальше ей идти нельзя. Затем она начала безутешно плакать, повернувшись лицом к стене. Ее слезам не было конца, и Рената, не находившая слов, гладила подружку по волосам; ей овладело смутное предчувствие.

– Бога ради, уходите, Рената, вам здесь нельзя оставаться, – прошептала Эльвина.

– Что вы делаете, Эльвина? – со страхом спросила Рената.

– Ко мне приходят мужчины, – сказала Эльвина, широко открыв глаза и тотчас же закрыв их.

Рената задрожала. Конечно, она слышала, что девушки продаются, но для нее это оставалось пустым звуком. И лучшая из всех, Эльвина? Рената не могла больше говорить. Она молча ушла.

Все это она рассказала Вандереру короткими, отрывистыми фразами, то краснея, то бледнея, то нетерпеливо, то страстно, то умолкая на мгновение, чтобы взять себя в руки. «Почему именно мне?» – думал Вандерер; он находил это загадочным; сияющий день, казалось, померк.

Но больше всего удивило его то, что весь этот бессвязный рассказ звучал как покаяние в какой-то вине. Вандерер был смущен и молчал. Только когда они подошли к ее экипажу,

он попросил у Ренаты разрешения написать ей то, что думает по поводу услышанного рассказа. Она взглянула на него отсутствующим взглядом, села в коляску и уехала. Вандерер медленно шел к городу, и в душе его звучали вопросы Ренаты: «Каким образом случается, что девушки торгуют собой? Действительно ли это дурные, заслуживающие презрения девушки? Неужели в них не остается ничего прежнего? Надо ли их спасать, или это бесплодно? Кто виноват в том, что они стали такими? Мне кажется, как будто я вдруг прозрела. Но я вижу лишь вещи, понять которых не могу, и не знаю, смею ли я их видеть или должна делать вид, что я по-прежнему слепа?»

Глава 4

Рената сидела в своей комнате. Лампа под китайским абажуром бросала кругом мягкий свет. В открытые окна видны были качающиеся деревья, пожелтевшая листва, озаренная последним отблеском заката. С нижнего этажа доносилась суэта: это слуги под руководством фрау Фукс накрывали столы. Рената во второй раз перечитывала письмо Вандерера, который благодарил ее за доверие и писал, что есть вещи, которые при неожиданном с ними столкновении кажутся гораздо более чудовищными, чем они являются на самом деле. Рената чувствовала, что эти витиеватые речи – лишь трусливая увертка, и раскаивалась в своей откровенности. Он был не тот, кого она искала.

Вошла сестра Ренаты Лони и сказала, что сейчас должны приехать баронесса Терке и Эрнестина Йенсен с матерью. Мама позвала Ренату вниз. Но зачем они Ренате? Зачем ей их показная дружба, их холодные поцелуи, их несносные сплетни? Нет, они ей не нужны. Зачем ей герцог с его невозмутимой холодностью и вспыхивавшим то и дело в глазах вечным вожделением? Он ей тоже не нужен.

Но что же ей нужно? Она не знала.

Вандерер был тоже приглашен; третьего дня он оставил карточку.

Сначала приехали дамы Терке. Баронесса Терке, сопя и

задыхаясь, сыпала любезностями, а ее слишком раскрашенное лицо походило на маску. Молодая графиня Адель, бывая в обществе, не делала ни одного движения, которое не было бы аристократично; она говорила с преувеличенной рассудительностью и натянуто улыбалась. Но пустота ее души сквозила во всем. Эрнестина Йенсен была некрасива. Когда она приходила от кого-нибудь в восторг, то опускала голову и смотрела исподлобья. Она изнемогала от тайных желаний, но из страха, что их заметят, выработала этот восторженный, ставший привычным взгляд снизу вверх.

Шел банальный разговор о новых книгах и театре.

Графиня Терке сидела за роялем, и ее пальцы слегка касались клавишей, отчего звуки как бы скользили по бархату. Рената прислушивалась к этим звукам и улыбалась рассеянной улыбкой всему, что говорилось, даже рассказу баронессы о какой-то девушке, уехавшей вместе со своим возлюбленным в Брюссель, где она умерла с голоду. Это была глубоко поучительная история. Фрейлейн Йенсен покраснела, когда было произнесено слово «возлюбленный», и, опустив голову, устремила взор куда-то на потолок. Баронесса смеялась, так как даже в ужасной драме голодной смерти находила комический элемент. Рената молча улыбалась, и мысли ее уносились в неведомую страну.

Лакей доложил о приезде герцога, а несколько минут спустя впорхнули сестры Ренаты с Анзельмом Вандерером, громко болтая. Вошел герцог, все поднялись, и комната,

казалось, наполнилась торжественностью. Рената пошла навстречу своему жениху, и они вежливо поцеловались. Герцогу было лет сорок пять. Он производил впечатление много путешествовавшего чужестранца, все повидавшего и ничему не удивляющегося. В нем не было ничего придворного; он напоминал скорее русского эмигранта из знатных дворян. Он славился своей независимостью, свободой политических взглядов, путешествиями и конюшнями, а также любовными приключениями. Светские сплетницы утверждали, что не было ни одной страны, где бы не побывал герцог и где не склонил бы к близости невинную душу. Одни говорили, что в диких африканских джунглях он соблазнил юную дочь вождя и та покончила с собою, узнав, что возлюбленный покидает ее. Другие уточняли, что произошло это не в Африке, а в заброшенной северной деревушке и что соблазненная девушка вовсе не свела счеты с жизнью, а до сих пор воспитывает белокурого малыша. Отличить правду от вымысла в этих рассказах не представлялось возможным, но было очевидно: география пикантных походов герцога была обширна, и сам он был не прочь похвастать своими подвигами в мужском обществе. Близкие Ренаты старались всячески оградить ее от подобных историй, и все же полностью скрыть правду о любвеобильном характере жениха им, конечно, не удавалось.

Рената наблюдала, как герцог разговаривал с дамами. Она сидела за роялем, откинув назад голову, и глубокое равноду-

шие к жизни охватывало ее. Высокое общественное положение, которое она должна была занять, казалось ей затертым льдами северным полюсом. Сестры и другие молодые девушки подошли к ней хихикая, говорили ей льстивые слова и просили сыграть что-нибудь. Рената заиграла вальс, свою собственную фантазию. Присутствующие болтали, не обращая внимания на музыку. Графиня Терке жаловалась герцогу на распространение социализма. В углу, за ширмочкой, баронесса рассказывала Вандереру о том, что в воззрениях собаки Тигра произошла решительная перемена, а именно: он стал интересоваться музыкой.

– Прелестно, восхитительно! – зашебетали молодые девушки, когда Рената закончила играть. Вставая, она зацепилась своим прелестным кружевным платьем за педаль. Вандерер подбежал и ловко освободил ее.

В комнате, выходявшей в сад, был балкон, летом открытый, а с октября защищенный стеклянными рамами. Здесь сидел Вандерер с фрау Фукс. Она рассказывала ему о последней поездке на воды. Рассказ этот состоял, собственно, только из одних названий станций.

– Мы проезжали через Аугсбург, очень красивый город. Штутгарт тоже красивый город. И Фрейбург хорошенький город. Да... Там у профессора Шауфлина Рената встретилась с герцогом. Герцог влюбился в нее с первого взгляда. Что касается Ренаты, то никогда нельзя узнать, что у нее на душе.

Потом мы поехали в Баден-Баден. Прекрасное, почти волшебное место, но там слишком жарко. Однажды Рената ехала верхом, и лошадь ее чего-то испугалась; вдруг подбежал какой-то господин и схватил животное под уздцы... Это был герцог. С тех пор они стали встречаться чаще, разумеется, в моем присутствии. Да-а...

– Это очень интересно, – вежливо пробормотал Вандерер.

Рената подошла к матери и спросила что-то насчет вин. Фрау Фукс поднялась и ушла. Рената устало опустилась на ее место.

– Я получила ваше письмо, – сказала она, нахмуривая лоб, – и мне было досадно, что вы его написали.

Так как Вандерер молчал, то девушка, немножко нервничая, продолжала:

– Моя мать рассказывала вам, конечно, баденскую историю? Это она делает всегда. Но я должна вам сказать, что лошадь удержал вовсе не герцог, а его спутник, майор фон Шталек. Мама находит, что моим спасителем вполне мог бы быть и герцог, и рассказывает именно этот вариант. Но, несмотря на все, мама очень добрая женщина.

– Вы сегодня заметно нервничаете, – сказал Вандерер.

– Да, я плохо спала. Вчера мы были на «Тристане».

– Вам понравилось?

– Эта опера меня очень утомила. Я не понимаю подобной музыки, и в то же время боюсь понять. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Не совсем. Вот что я хотел сказать вам, фрейлейн: я нашел работу для Эльвины Симон, она уже устроилась туда и живет на другой квартире.

Рената сначала побледнела, потом покраснела, улыбнулась и положила руку на руку молодого человека.

– Этого я вам никогда не забуду.

Затем она встала и ушла более легкой походкой, чем пришла.

Вандереру не хотелось возвращаться в большую гостиную, из которой доносился гул голосов. На мольберте в углу стоял набросанный Ренатою портрет Гизы. Линии тела этой восточной красавицы, страстной, побуждающей к дерзким мыслям и поступкам, были безукоризненно переданы на холсте. Тонкая изящная рука в браслетах поддерживала высокую грудь. В другой руке натурщицы было полупрозрачное покрывало, которое не могло скрыть от зрителей милых округлостей обнаженной нимфы и лишь подчеркивало ее совершенство. Этот образ, как ни странно, будил в Вандерере мечты об обладании другой женщиной – не столь вызывающе чувственной, но становившейся с каждым часом все желаннее. Вандереру показалось, что, глядя на формы восточной женщины, олицетворяющей собою полноту чувств, он снова ощутил приближение настоящей любви. Не потому ли решила изобразить ее Рената, что и сама она оказалась на пороге новой жизни, в которой, отдавшись мужчине, ей предстояло изведать глубины чувственности и постичь

смысл своих тайных желаний? Потом Вандерер вспомнил слова Зюссенгута: «Эта Гиза Шуман – самое чистое, самое совершенное, самое чудесное и достойное зависти существо, как физически, так и нравственно. Она испытала тяжелую депрессию, вызванную тяготами жизни, но победила судьбу силою своего девичества. Только полный отказ от псевдоморали и ложного стыда сможет полностью исцелить эту женщину и вернуть ей утерянную способность радоваться жизни».

Потом Зюссенгут, взяв с Вандерера обещание молчать, рассказал ему историю Гизы. Ее родители были бедными и корыстолюбивыми людьми. Однажды некая, по-видимому, светская дама сообщила им, что Гизой сильно заинтересовано одно высокопоставленное лицо, видевшее ее в мастерской художника. Пошли переговоры, о которых молодая девушка не должна была ничего знать. Родителям пообещали значительную сумму в том случае, если Гиза согласится на предлагаемые условия. Ей предстояло воплотить в жизнь фантазию этого господина, пожелавшего видеть себя восточным ханом, чьи прихоти в постели беспрекословно выполнит послушная наложница. За три часа подобного удовольствия господин был готов щедро одарить семью Гизы. Это была форменная продажа. Гизе было назначено прийти в бывшую мастерскую в Амалиенштрассе. Прежде Гиза служила моделью только для изображения головы, и никакие уговоры не могли заставить ее позировать обнаженной для написания

тела. Но чрезвычайно любезные и матерински нежные увещевания знатной дамы рассеяли наконец ее сомнения. Мастерская находилась рядом с квартирой Зюссенгута. Зюссенгут, по обыкновению, спал после обеда, как вдруг его разбудили страшные глухие вопли. Едва успел он одеться, как мимо его окна пробежала молодая девушка, обнаженная, обезумевшая, с поднятыми кверху руками и запрокинутой назад головой.

Он узнал ее; она давно служила для него предметом восторга. Зюссенгут бросился за ней. Дальнейшее Вандереру известно. Гиза долго не могла ничего рассказать; одно лишь воспоминание о случившемся вызывало у нее истерику. Судебное следствие было, разумеется, приостановлено, и дело постарались замять. «Я-то знаю, кто был этот высокопоставленный господин, но многие причины заставляют меня молчать», – добавил рассказчик.

Подобострастное хихиканье спугнуло мысли Вандерера. В гостиную вошел герцог с сестрами Ренаты.

Девушки семенили около него, припрыгивая, как робкие куры. Герцог остановился перед портретом Гизы и вдруг неожиданно нервно засунул руки в карманы; потом повернулся к столу с фотографиями и стал в волнении перебирать их.

Герцог вел Ренату к столу. Идя рядом с ним, девушка слышала, как во дворе бушует буря, и невольно сильнее опер-

лась на руку жениха. Но завывание ветра не казалось ей от этого менее зловещим.

– Что это за модель, Рената, – обратился к ней за обедом герцог, – которую ты выбрала для своего эскиза пастелью?

– Хороша, не правда ли? – ответила Рената вопросом.

– Слишком... восточная красавица, я полагаю. – Герцог неискренне засмеялся. – Но я хотел спросить, каким образом ты нашла ее?

– А ты разве знаешь ее? Недавно с ней произошло нечто ужасное.

– Она сама рассказывала тебе об этом?

– Сама? Нет. Она вовсе не болтлива. Мне рассказывала о ней одна художница.

– Ах вот как! – Герцог помолчал несколько секунд, потом продолжил:

– Я был бы тебе очень благодарен, Рената, если бы ты отказалась от этой модели. По некоторым причинам мне это не нравится.

Рената с удивлением посмотрела на жениха. Слова его имели ясный смысл. Не была ли это первая из цепей, о которых распространялся Зюссенгут, когда говорил: «Какие чудные возможности отдаете вы за жалкие материальные блага! До сих пор вы шли. Теперь вас будут тащить или подгонять. До сих пор вы говорили, когда вам того хотелось. Теперь вам придется все чаще молчать, и вместо речей у вас будут вырываться вздохи. Я знаю трагедию женщин. Это мученицы

этикета».

Впервые девушка почувствовала справедливость этих слов и вздохнула.

– Следующим летом мы поедем в Ишль, – услышала Рената монотонный голос матери. – Ишль – это очень красивое место.

Рената сказала герцогу, что одобряет его решение отпраздновать свадьбу в самом тесном семейном кругу и на первое время поселиться в уединенном замке в Грефлинге. Вдали от города новая жизнь будет создаваться в полной гармонии. Чужие взгляды и речи оскверняют такую интимную вещь, как брак, мечтательно говорила Рената. Герцог молчал. Ее слова заставили его задуматься. Если он и любил Ренату, то только до тех пор, пока девушка не начинала думать. Ее близость опьяняла его. Загадочный взгляд, изменчивость настроения, часто непонятная молчаливость, суровая сдержанность, прелестная смесь женственности и детской наивности – все это имело для него неотразимое обаяние. Он с невольной нежностью склонился к ней. С присущим ей выражением легкой грусти на лице, с трогательной мольбой в больших глазах, она даже в минуты шаловливой веселости, казалось, нуждалась в утешении.

Вандерер, сидевший напротив Ренаты и наполовину закрытый букетом роз, не отрываясь, смотрел на ее бледные руки. Фрейлейн Йенсен сказала ему, что через две недели, когда Фукс возвратится из Италии, состоится свадьба.

Ужин окончился.

У камина в соседней комнате был уютный уголок, отделенный пальмой и китайской ширмой. Там стоял Вандерер, когда к нему подошла Рената. Она с тревогой посмотрела на Анзельма, беспокоясь, что этот вечер мог испортить ему настроение. Потом улыбнулась, опустив глаза. И снова Вандерер был охвачен глубоким чувством. Ему казалось, что он только для того и жил, чтобы теперь эта девушка вот так стояла перед ним в своем горьком недоумении, со своей печальной улыбкой.

– Чем, собственно, вы наполняете свою жизнь? – спросила Рената, рассеянно играя веером.

Вандерер сделал гримасу.

– Я ничего не делаю, а теперь менее чем когда-либо. Мое единственное занятие – ходить каждый день после обеда в картинную галерею, где я и остаюсь, пока не стемнеет.

– Я хотела бы вас кое о чем попросить, – торопливо сказала Рената. – Только не сердитесь на меня.

Ей хотелось знать историю Гизы.

Вандерер побледнел. Он мог бы сказать, что ему ничего не известно; но какое-то смутное чувство заставило его рассказать все, что он узнал от Зюссенгута.

Когда он окончил, Рената продолжала неподвижно сидеть, мрачно глядя в огонь камина.

– Я не понимаю этого, не понимаю жалкой охоты исклю-

чительно за телом, – произнес Вандерер после некоторого молчания. – Не знаю, я этого не испытал, но мне кажется, что если бы я любил женщину, то малейшее проявление ее внимания было бы мне так же дорого, как и ее поцелуй.

– Вы говорите, что никогда еще не испытывали этого? – тихо сказала молодая девушка, не отрывая глаз от огня.

Вандерер чуть заметно нагнулся вперед и покачал головой.

– Никогда. – Теперь он тоже смотрел на огонь. – Я, как и вы, ищу.

Рената вздрогнула, словно от внезапного холода.

– Пойдемте в зал, – сказала она, поднимаясь. «Какая у нее нежная и белая кожа», – думал Вандерер, идя сзади и любуясь обнаженными плечами девушки.

Графиня играла Шопена, опус 37. Но это было похоже на что угодно, кроме Шопена. Потом Адель Терке спела романс: «Я слышал журчанье ручья». Ее голос был острым, как битое стекло.

В одиннадцать все начали разъезжаться. Рената проводила герцога до дверей. Девушки трещали без умолку; баронесса спешила закончить рассказ о похождениях Тигра. В душе Вандерера презрение боролось с грустью. Шел дождь, поэтому он застегнул пальто и поднял воротник. У крыльца молча стояли кучера, и ветер развеивал их желтые пелерины.

– До свиданья, Рената, – сказал герцог.

Девушка протянула ему руку, чуть заметно улыбнувшись,

и обернулась к Вандереру, который ожидал очереди проститься с нею. Ее обнаженным плечам было холодно в прихожей, и она убежала в гостиную, шутиво щелкая зубами.

– Ну, сегодня у нас был очень удачный вечер, – сказала фрау Фукс. – А теперь, девочки, нам пора спать.

Последние слова относились к Лони и Марте, у которых было столько секретов, что, казалось, им не пересказать их до утра. Они спали наверху в мезонине, обычно на одной кровати, так как было страшно спать порознь, и к тому же некоторые секреты можно было передавать только шепотом, закрывшись с головой одеялом.

Фрау Фукс читала еще некоторое время газету, а Рената, как маятник, ходила по комнате. Потом подошла к роялю и начала играть. Мрачная и монотонная мелодия зазвучала под ее пальцами, как будто девушка хотела выразить звуками бушевавшую за окнами осеннюю бурю.

От этих звуков на сердце у нее стало так тяжело, что она опустила руки и закрыла глаза.

– Ты играешь что-то уж очень печальное, Рената, – сказала фрау Фукс, косясь на нее из-за газеты. – Я думаю, у тебя, в отличие от многих других, нет для грусти никакого основания.

Глава 5

Внутренняя тревога постоянно заставляла Ренату появляться на людях, чтобы не оставаться одной. Среди ее приятельниц была жена врача Елена Брозам, остроумная маленькая женщина с кошачьими манерами, с которой она познакомилась год тому назад. К ней-то Рената и поехала сегодня.

– Я давно не видела вас, – сказала Елена, садясь в кресло и болтая не достававшими до пола ногами.

– Как поживаете, – спросила Рената, смущенная пристальным взглядом приятельницы.

– Так себе... А вот вы, должно быть, чудовищно счастливы. Невеста герцога! Об этом мечтают все девушки.

Рената состроила едва заметную гримасу.

– Где ваша дочка? – спросила она.

– Она играет на дворе с мальчиками, а муж уехал к больному.

– Вы ведь очень счастливы, не правда ли? – спросила Рената, побуждаемая любопытством и страхом за будущее.

Фрау Елена сильнее закачала ногами.

– Счастлива?..

– Я говорю о вашем браке...

– О браке? – Елена тихонько свистнула. – Впрочем, иногда это недурная вещь, в особенности на первых порах. Потом часто бывает тоже мило, но без господина супруга. В целом

же не могу рекомендовать.

Испуганный взгляд Ренаты остановился на висевшем над софой портрете красивого мужчины. Это был доктор Брозам. Его лоб и волосы напоминали Анзельма Вандерера; по крайней мере, так ей показалось.

– Самое главное, – продолжала Елена, комически нахмурив брови, – иметь две спальни. Для вас это, конечно, само собой разумеется. А вот быть женой доктора... Мужчина, который перестает стесняться, это нечто ужасное.

Рената покраснела и рассмеялась. В глубине души она была очень шокирована.

– Скажите мне, – снова начала она, – выходя замуж, вы знали прошлое вашего жениха?

Елена Брозам бросила на Ренату беглый пытливый взгляд и засмеялась искусственным, деревянным смехом.

– Об этом не следует допытываться. Мужчины не отличаются чистотой биографии.

И, чтобы показать свое равнодушие к этому вопросу, она повела глазами как клоун, наклеила на нос кусочек папиросной бумаги, лукаво покосилась на зеркало и рассмеялась. В эту минуту вбежала девочка и бросилась к матери с бурными объятиями. Ренате она подала руку, как старой приятельнице, и с важностью рассказала, что встретила с господином Гудштикером, который хотел прийти к ним сегодня.

– Это тот самый знаменитый Стефан Гудштикер? – спросила Рената.

– Тот самый.

– Мне очень хотелось бы с ним познакомиться.

– Пожалуйста. Он подарил Марианне детскую книжку и сделал на ней дарственную надпись.

На книжке, которую показала Марианна, было написано: «Душа твоя, лишь вознесясь в надзвездные высоты, поймет всю глубину страданий, пережитых в цепях земли».

Раздался короткий, энергичный звонок.

– Так может звонить только знаменитый человек, – объявила Елена Брозам и выслала девочку из комнаты. У Ренаты застучало сердце.

Дверь распахнулась, и вошел Стефан Гудштикер. Он провел рукой по густым, волнистым волосам, стряхнул пылинку с рукава и подошел к хозяйке. Это был мужчина лет сорока. Если о ком-нибудь можно было сказать, что он сияет важностью, так это именно о нем.

Черные волосы, элегантная черная бородка, изящный рот, красивые глаза – все в нем было пропитано важностью. Он редко улыбался, и улыбка его была какая-то официальная.

– Стефан Гудштикер, фрейлейн Рената Фукс, – церемонно представила их Елена Брозам. При этом имени в манерах Гудштикера тотчас появилось нечто почтительное, и вместе с тем он принял такой вид, будто не совсем одобряет свадьбу, о которой все так много говорят, но и не может осуждать ее.

– Над чем вы теперь работаете? – спросила фрау Елена. –

Какую основу хотите вы разрушить?

Гудштикер с усталым видом склонил голову набок.

– Тема моего нового романа – судьба женщины. Рената подалась вперед, собираясь внимательно слушать.

– По моему мнению, женщины находятся в достаточно серьезной опасности. Одаренные женщины гибнут, бездарные падают. Отовсюду слышатся вопли о спасении от социальной или личной беды. Одни хотят стать мужчинами, отказываясь от своих прерогатив. Вы мне позволите закурить папироску? Другие презирают мужчин, третьи предъявляют к мужчинам сверхчеловеческие требования. Тем не менее моя книга станет беспощадным приговором мужчинам.

– Как она будет называться? – спросила Рената.

– «Конец Вероники». Название не слишком броское. Но, смею думать, эта книга обратит на себя внимание.

Гудштикер сдвинул брови и о чем-то задумался, теребя усы.

– Скажите мне только одно, – начала Рената, умоляющим жестом протягивая к нему руки, – неужели необходимо, чтобы некоторые женщины гибли ради того, чтобы остальные могли жить... прилично?

На этом слове она запнулась, и щеки ее запылали. Елена неодобрительно покачала головой, играя искусственной розой. Гудштикер посмотрел на свои колени, потом взглянул на одну собеседницу, затем на другую. Медленно выпустив тонкое кольцо дыма, он заговорил:

– Лет тринадцать или четырнадцать тому назад я знал у себя на родине, во Франконии, одного замечательного молодого человека. Звали его Агафон Гейер. Это был один из тех людей, которые мечтают исправить мир. Я пробовал сделать его прообразом драматического персонажа вроде Фауста. Но мне это не удалось. Мое призвание – роман. Так вот этот Агафон Гейер хотел, между прочим, реформировать и те отношения, которые вас интересуют. Чтобы показать пример, он женился на падшей женщине; но дело не пошло на лад. Жизнь всегда сильнее какого бы то ни было пророка. Я думаю, что всякие индивидуальные попытки изменить жизнь тщетны. Единственное, что остается, – это принимать жизнь и, если умеешь, отражать ее в своих произведениях.

Гудштикер замолчал. Было непонятно, что хотел он сказать своим рассказом, и ему самому он показался лишним.

– Я думаю, что душевное спокойствие можно обрести только тогда, когда ясно видишь скрытые пружины нелепой жизненной комедии, – сказала Рената. – А чем жить слепой и глухой, в постоянном страхе, как бы не упасть в темную пропасть, – лучше не жить. Мне кажется, что тот, кто не соприкасается близко с отвратительными сторонами жизни, не может в полной мере познать прекрасное. Разве я не права?

Она взглянула на Елену, потом на Гудштикера и опустила глаза, робко улыбаясь. Гудштикер внимательно посмотрел на нее. Елене показались странными слова приятельницы. Не зная, что сказать, она пожала руку Ренаты с напуск-

ным добродушием.

– Не знаю, у меня здоровая натура, – сказал Гудштикер, – может быть, потому, что я сын крестьянина. Эти искания в области нравственности есть несомненный признак вырождения.

Смущенная и угнетенная Рената поднялась, попрощалась с Еленой, горячо и серьезно пожала руку Гудштикеру и ушла. Когда дверь за ней закрылась, Гудштикер подошел к Елене и поцеловал ее в губы. Лицо Елены осталось неподвижно.

– Она кокетничала со мной, – серьезно сказал Гудштикер.

Рената решила идти пешком, хотя времени в ее распоряжении оставалось немного. Сегодня герцог устраивал званый ужин, на котором Рената должна была познакомиться с матерью и родственниками жениха. Туалет для парадного вечера требовал два часа. Она приказала кучеру ехать домой, а сама, побуждаемая каким-то непобедимым чувством противоречия, пошла совсем в другую сторону, к картинной галерее.

В третьем зале бродил Вандерер. Она не стала делать вид, что удивлена, а спокойно поздоровалась с ним.

– Я хотела только убедиться, правда ли, что вы бываете здесь каждый день, – улыбаясь, сказала она. – Я шла мимо и вспомнила о вас.

Вандерер растерялся и, стараясь скрыть это, ответил нев-

попад:

– Вы пришли слишком поздно. Скоро закрытие. Рената почувствовала, что должна как-то объяснить свое появление.

– Мне давно хотелось еще раз увидеть «Заскию» Уленбурга. Кто знает, когда мне снова это удастся? Разве уже так поздно?

– Без четверти шесть. Вся публика уже ушла. Действительно, длинная анфилада зал точно вымерла. Кругом стояла пугающая тишина.

Прозаическая трезвость Вандерера раздосадовала Ренату. Стоило ради него приходить сюда! Молча шла она рядом с ним по просторным залам, не обращая внимания на картины, изображавшие героев, детей и ландшафты.

– Я люблю бывать в этом избранном обществе богов и героев, которые молчат и с которыми не надо разговаривать, – задумчиво произнес Анзельм.

– Разве вы так молчаливы?

– Очень.

– Все молодые люди так тщеславны, – сказала Рената, качая головой, – и это тоже один из видов тщеславия.

– А вы заметили, как смущают окружающих молчаливые люди? Они кажутся опасными и загадочными.

– Да? – Ее радостно-вопросительное «да» было восхитительно.

– Но стоит такому человеку заговорить, как он мгновенно

теряет весь свой престиж; его похлопывают по плечу и переходят на «ты». Когда я был ребенком, в нашем доме жил глухонемой – безобидный, скромный человек. Но мне он казался страшным.

– Я это понимаю, – согласилась Рената.

Вдруг она порывисто схватила его за руку и безмолвно указала на картину в углу. Это была «Заския», по странной случайности освещенная огненными лучами заходящего солнца, отчего вечерняя заря на полотне горела неземными красками. Мать и дитя на ее коленях реяли в золотых лучах.

Вандерер ничего не сказал, и Рената была ему за это благодарна. Чувство безмятежного спокойствия наполнило ее душу. Она медленно опустила глаза и задумалась. Скоро надо было уходить.

– Могу я вас проводить? – неуверенно спросил Вандерер. Она вздрогнула, точно ее разбудили, и молча кивнула ему головой.

Когда они вышли, уже смеркалось. И чем темнее становилось, тем медленнее шла Рената; предстоящий вечер казался ей все противнее и унизительнее. Она болтала о пустяках, а в душе ее звучало: «Неужели никто не видит, что я страдаю?» Когда они были позади дворцового парка, где шумит подземный ручей, Рената остановилась и сказала:

– Если бы меня теперь кто-нибудь взял и увез в Австралию, я не знаю, как была бы я ему благодарна.

Вандерер на секунду взглянул в ее блестящие глаза. Глу-

бокая искренность этих слов исключала банальный ответ.

– О, если бы вы были со мной до конца откровенны! Она покачала головой с грустной улыбкой.

– Разве это невозможно?

– Невозможно.

– Но все-таки я кое-что знаю... Как странно, что сегодня я могу вас провожать, а через две недели я буду вам ни на что не нужен.

– Да, через две недели, – машинально повторила Рената, все более ускоряя шаг.

Через пять минут она была у ворот своего дома, откуда озабоченно выглядывал слуга.

– Ну, Рената! В своем ли ты уме? Остался всего лишь час до выезда – и как ты думаешь все успеть?

– Я не поеду на вечер, – ответила Рената и, видя ужас и недоумение матери, прибавила из сострадания:

– Я больна.

Лони и Марта стояли бледные, как две лилии. Лицо фрау Фукс помертвело. Рената сняла кофточку и шляпку и прилегла на оттоманку.

– Но что с тобой, Рената? У тебя голова болит? Ты устала? Не послать ли за доктором? Почему же нет? Тебя знобит? Надо скорей уведомить герцога.

«Если бы я сама знала, что со мною, – тоскливо подумала Рената. – Только завтра мне опять захочется пойти посмот-

реть на „Заскию“ Уленбурга».

Фрау Фукс скоро успокоилась. Когда она сама выходила замуж за Фукса, с нею тоже случались непредвиденные недомогания. В конце концов все уладится. Скоро Рената станет герцогиней, и все эти волнения останутся позади. Сегодня она разложит об этом пасьянс.

Рената лежала. Около нее сидели на корточках Лони и Марта. Рената молчала, а сестры, не переставая, болтали меж собой. «Так ты говоришь, белокурый лейтенант преследовал тебя до самого дома»? – «Нет, только до моста». – «Я его недавно видела. Его усы стали заметно длиннее». – «Он тебе кланялся? Мне он всегда кланяется». – «Знаешь, кого он мне напоминает? Ассессора в „Современных женщинах“». – «Тише! Вдруг мама услышит...»

От болтовни сестер Ренате стало еще тоскливее. Неясные мысли и смутные образы проносились в сознании: красивые южные ландшафты, лицо ребенка на картине Рембрандта, и, наконец, вынырнула строка: «Душа твоя, лишь вознесясь в надзвездные высоты»...

Дверь первого этажа хлопнула. Вошла служанка прибавить углей в камин. С улицы донесся стук экипажей. Лони распространялась об эспаньолке придворного тенора. Проза действительности назойливо лезла из всех углов.

Фрау Фукс пришла с письмом, которое только что принес почтальон.

– Ну, дети, слушайте. Папа пишет, что на днях мы полу-

чим дворянство. В воскресенье он уже будет здесь.

Рената медленно приподняла голову с подушки и облокотилась на руку. Возвращение отца было обстоятельством, требовавшим немедленного решения. Но к какому решению могло прийти ее слабое сердце? Она неподвижно смотрела в темноту вечера и думала о бегстве. Точно какое-то безумие овладело ею.

Комната казалась девушке тюрьмой, и ее неудержимо тянуло прочь. Вернулся слуга с запиской от герцога:

«Милая Рената! Ты поставила меня в большое затруднение своей загадочной болезнью. Я почти не знаю, что мне делать. Вряд ли это можно будет исправить. В данную минуту я, конечно, не могу приехать; заеду завтра утром. Скверная история.

Рудольф».

Дикая и счастливая усмешка промелькнула на лице Ренаты, и она вдруг встала.

– Я ухожу к себе, спокойной ночи, – сказала она.

– Так рано? – с удивлением спросила фрау Фукс. – Впрочем, ты права, Рената. Сон целителен. Спокойной ночи, дитя мое!

Придя наверх, Рената поспешно оделась, накинула шаль, заперла свою комнату и прошла в прихожую, где уже было темно – фрау Фукс сэкономила на освещении. С бьющимся сердцем она прислушалась, медленно спустилась с лестницы, еще раз прислушалась и, уловив, как горничные с лакеем

поют в кухне, поспешно вышла.

Ветер дул ей в лицо и развевал шаль. Путь был неблизкий. Дворец герцога находился в противоположном конце города.

Все окна были освещены. У главного входа гарцевали два конных жандарма. Величественный швейцар стоял у двери и презрительно осматривал улицу. Он решительно преградил дорогу Ренате, когда та попыталась пройти в подъезд, но, узнав ее фамилию, от изумления мгновенно утратил все свое величие и, распахнув дверь, долго глядел ей вслед с самым глупым видом.

Все, что произошло потом, походило на видение расстроенного мозга. Мрачная угловая комната в башне; полуспущенные газовые рожки; зеленоватая, точно заплесневевшая, мебель; твердые, но не торопливые шаги; герцог, остановившийся на пороге; тишина комнаты, сделавшаяся теперь вдвойне ощутимой; изумленный и негодующий голос, звучавший точно откуда-то издали; слова:

– Так ты здорова, Рената? Зачем же ты все это сделала?

– Я не знаю. Мне хотелось хоть на один час почувствовать себя свободной. И еще я хотела испытать, – тут голос ее сделался едва слышным, – найду ли я в тебе сочувствие. Но я не нашла.

– Я не понимаю тебя, Рената. Я не из щепетильных, но некоторые вещи необходимо соблюдать, чтобы жить в мире с обществом. Я мало ценю свой герцогский титул. Моим иде-

алом всегда было жениться на девушке из бургерской семьи, чтобы обновить кровь. Ты превзошла мои лучшие мечты.

Он провел рукой по ее волосам. Рената мучительно ощутила бесполезность своего ночного путешествия. В сущности, все осталось по-прежнему.

– Ты, может быть, думаешь, – сказала она, – что я горда и меня смущает опасение быть принятой из милости в ваш круг. Но ты ошибаешься: моя гордость простирается еще дальше. Я презираю мнение вашего круга.

Герцог беспокойно улыбнулся, посмотрел на дверь, прислушался, что-то пробормотал насчет швейцара и лакея, которым надо будет приказывать, чтобы молчали. Он чувствовал себя бессильным перед молодой девушкой, которая выросла в его глазах, оттого что он перестал ее понимать. Он захотел обнять Ренату. Рената сделала испуганное движение.

– Ты мне дороже всех женщин в мире, – услышала она как будто из-за стены.

Герцог схватил Ренату за плечи своими сильными руками и, прижав к стене, начал осыпать ее страстными поцелуями. Он упивался сознанием того, что эта прекрасная и желанная женщина скоро будет ему принадлежать. Очень скоро, и только ему одному. Так стоит ли ждать? Или стоит прочесть ее, показать, что любое сопротивление его силе и могуществу бесполезно? Герцог целовал ее все более страстно, и голова его кружилась от близости Ренаты, от запаха ее тела, от слов, которые шептали ее губы с просьбой отпустить

ее и пощадить. Он схватил Ренату в охапку и бросил на диван, тут же прижав ее к подушкам своим телом. Руки герцога смело и уверенно скользили по шелку платья, останавливаясь на округлостях груди и бедер и снова продолжая свое движение. Не в силах больше обуздать нахлынувшее желание, герцог резко поднялся, чтобы сбросить с себя одежду, и в этот миг встретился глазами с Ренатой.

Ее полный испуга и мольбы взгляд заставил его отступить.

– Я не могу, – с горечью прошептала она, – какое-то предчувствие леденит мне сердце.

Рената спрятала лицо в подушку дивана и оставалась неподвижной. Герцог ни о чем больше не спрашивал. Он не понимал ее и боялся расспрашивать. Но тайна, окутывавшая Ренату, делала ее еще желаннее. Ему стало казаться, что герцогиня – она, а он выскочка, которого она только терпит. Он отошел от дивана и заставил себя успокоиться и остыть. Впервые в жизни он так страстно желал обладать девушкой. И впервые в жизни не позволил себе силой взять твердую целомудрия, будучи в двух шагах от заветной цели. Рената встала и дрожащими руками привела в порядок платье и прическу.

Потом герцог усадил свою невесту в карету, поцеловал руки, и лошади быстро унесли ее.

В нескольких шагах от дома карета остановилась. Рената незаметно прошла в свою комнату и прямо в одежде бросилась на постель, удивляясь, что никто в доме не услышал ее

возвращения. Только что пережитое казалось ей сном.

«Дорогая фрейлейн Рената! Хотя я сознаю бестактность этого письма, я все-таки должен его написать. Бывают вещи, которые делаешь помимо своей воли. Поэтому вы не должны сердиться на меня за то, что я вам пишу. Вчера вы сказали, что, может быть, еще раз придете посмотреть на „Заскию“ и на другие картины и поговорить со мной о них. О, какие бы это были волшебные минуты! Но это невозможно. Как бы страстно я ни желал, я не могу больше прийти. Вы догадаетесь почему. Я уезжаю, иначе гибель ждет меня. Быть может, вам покажется смешным мое письмо, что ж... Я должен был его написать перед вечной разлукой. Примите искренний привет и пожелания всего наилучшего в вашей новой жизни.

Анзельм Вандерер».

Лони вбежала в комнату.

– Сегодня прекрасная погода, мы хотим ехать верхом в Талькирхен. Поедешь с нами, Рената? Ты не смеешь отказываться, как в тот раз.

– Конечно, я поеду с вами, – ответила Рената с такой счастливой улыбкой, что сестра в изумлении вытаращила на нее глаза.

– Что это за письмо ты получила, Рената? Мама говорит, что тебе теперь неприлично получать письма. Ну, одевайся скорее!

Полчаса спустя девушка скакала на своем вороном коне, а испуганные ее отчаянной ездой сестры едва поспевали за Ренатой.

Глава 6

Анзельм Вандерер солгал в тот вечер, сказав Ренате, будто нашел место для Эльвины Симон. Ему удалось это сделать только спустя несколько дней. Таков уж был характер Вандерера. Он, не задумываясь, лгал из сострадания, лгал, чтобы доставить кому-нибудь удовольствие.

Для него не составило большого труда найти квартиру Эльвины Симон. На пороге его встретила пожилая женщина, походившая манерами на хозяйку притона, и провела его в комнату, пропитанную специфическим запахом грязного белья. Вскоре туда вошла девушка и, едва взглянув на Анзельма, начала машинально развязывать юбки.

– Нет, не надо, – остановил ее Вандерер и осторожно коснулся ее руки. Девушка холодно и враждебно взглянула на него. Он постарался в нескольких словах объяснить, зачем пришел. Она рассмеялась деревянным смехом, точно сказанное не относилось к ней. Но, когда молодой человек назвал имя Ренаты, девушка немного оживилась. Усталым голосом она назвала сумму своего долга хозяйке и потом прибавила:

- Я не могу в это поверить.
- Во что именно?
- Что моя жизнь может измениться.

Вандерер заранее подыскал дешевую комнатку, внизу его

ждал слуга, готовый отнести туда вещи Эльвины.

Анзельм расплатился с хозяйкой, и они вышли. Дорогой Вандерер сказал Эльвине, что поместил в газете объявление о том, что девушка ищет работу. Он ласково разговаривал с ней; Вандерера тронуло то, как покорно Эльвина шагала рядом с ним. На новой квартире ее ожидал сюрприз. На кровати лежало темно-коричневое платье с белыми полосками. Конечно, оно не было безукоризненно в смысле вкуса, тем не менее Эльвина нежно провела по нему рукой. Вандерер ожидал внизу, пока она переоденется, чтобы вместе отправиться за покупками. Он заверил Эльвину, что делает все по поручению Ренаты.

– Не знаю, право, чем я все это заслужила, – с тоской сказала Эльвина. Понемногу она становилась доверчивее.

Весь день они бегали за разными мелочами. Эльвина устала, что выразилось в том, что она стала больше говорить и ее худенькое личико покраснелось. Заходило солнце, когда они шли через мост. Эльвина залюбовалась картиной заката, как будто никогда в жизни не видела солнца.

– О, какая зеленая вода! – говорила она. – Что за чудное небо!

Едва же Вандерер улыбнулся, девушка тотчас же замолчала. Он, очевидно, нравился ей. Анзельм со своей стороны находил, что Эльвина каким-то чудом осталась наивной и неиспорченной, как будто душа ее хранилась в несгораемом шкафу.

В одном из магазинов Вандерер случайно встретил знакомого коммерсанта. Из разговора выяснилось, что ему нужна кассирша, и он тут же рекомендовал ему Эльвину, скрыв, конечно, ее недавнее прошлое. Новизна положения отняла у Эльвины способность говорить. Но на коммерсанта она произвела, по-видимому, благоприятное впечатление.

Вечером Вандерер отправился с Эльвиной в театр. Давали «Фиделио».

Эльвина призналась, что никогда еще не была в театре, и сказала это таким тоном, точно каялась в преступлении.

Во время представления Вандерер не столько обращал внимание на игру, сколько наблюдал за своею спутницей. При первых звуках увертюры Эльвина побледнела, и все окружающее перестало для нее существовать. Ее музыкальная восприимчивость поразила его.

Когда в сцене тюремного заключения среди мертвой тишины раздался призывный звук трубы, Эльвина в изнеможении откинулась на спинку кресла, прижимая руки к сердцу.

– Мы поужинаем у меня, – заявил Вандерер, выходя из театра. Эльвина посмотрела на него преданно и устало заняла свое место в карете. Возбуждение угасло, и опять она рассеянно глядела отсутствующим взглядом.

Через два дня после этого он встретил Ренату в картинной галерее. Эта встреча имела для Вандерера роковое значение. Когда он расстался с Ренатой, закат показался ему ярче, а

горизонт шире. Три раза натыкался он на прохожих, но это не выводило его из задумчивости. Наконец он остановился у кафе, в котором бывал Зюссенгут, нередко просиживавший здесь до утра. Любили сюда хаживать Стиве, литератор Герц и актер Ксиландер, брат Анны. Иногда заглядывал и Гудштикер, чаще предпочитавший более аристократичное кафе в Луитпольде. Вандерер подсел к столу Герца.

– Кстати, господин фон Вандерер, – тотчас же обратился к нему Герц, – вы знаете Гизу Шуман?

Оказалось, что Гиза стала любовницей Зюссенгута. Он сам первый объявил об этом и тут же начал распространяться на ту же тему. Описывая страсть и ненасытность восточной красавицы в любовных утехах, он без стеснения описывал подробности, говорить о которых в обществе, по мнению Вандерера, было неприлично. Но Зюссенгут считал приличия псевдоморалью.

– Вы спросите, почему я настоял, чтобы в первую же ночь Гиза была сверху? Чтобы она оседлала меня, как амазонка? – спрашивал Зюссенгут и тут же отвечал: – Все очень просто. Такой женщине, как она, сломленной и униженной, необходимо снова ощутить свою силу и свое величие. Я же дал ей шанс почувствовать власть – власть над мужчиной, одним из тех, кто правят подлунным миром. В те счастливые для нас минуты она не просто заставляла меня трепетать и изнемогать от блаженства – она исцеляла себя от недуга, которым заразило ее больное общество.

Вандереру было стыдно слушать его вдохновенно-циничные речи.

– Ах, это обращение девушки в женщину! Кто этого не испытал, тот никогда не жил. Для женщин, опутанных цепями общественных предрассудков, потеря невинности – всего лишь продолжение процедуры вступления в брак, с неизменными стонами и красным пятнышком на простыне, ритуал обретения уз, которые навеки свяжут бедняжку с одним-единственным мужчиной. Я же заявляю: это символ разрушения преград на пути в настоящую, полную наслаждений жизнь. Что мне за дело до ваших солнечных восходов, до вашего моря, ваших глетчеров! Лес и море, солнце и месяц заключаются для меня в одном-единственном существе, в пределах шести квадратных метров моей комнаты. О! Эти дочери Востока, в ком потоки нежности сливаются с реками горячего темперамента, в ком умение преданно служить мужчине граничит с безумием! Моя Гиза не прекращает свои ласки до тех пор, пока я не падаю, опустошенный, и не молю ее о пощаде.

Его руки хватались за пустоту, точно ловя какой-то ускользающий предмет, потом застывали в неподвижном жесте и бессильно падали вниз.

– Эти мистерии девической психики! Разоблачение сокровенной сущности! Проникните в мир женской чувственности, и вы найдете ключ к самым загадочным движениям ее психики. Охраняйте ее тело – и вы сохраните ее душу

от нравственного падения. Потому что только благодарность отдает ее вам всецело. Не переживаю ли я теперь самое совершенное счастье? Когда она просыпается утром и улыбается мне – это моя утренняя молитва. Когда она снова и снова доводит меня до экстаза, это моя прогулка, мое ученье, моя карьера!

– Великолепно! – сказал Герц и принялся опять за свою газету. Стиве сочувственно кивнул головой и закашлялся. Этим он обыкновенно избавлял себя от необходимости подавать реплики.

– Посмотрите вокруг: каких мужчин выбирают самые лучшие из женщин? Вымогателей, пиратов, торгашей! Сколько дают любви – столько и требуют взамен... Я же не требую ничего от этой женщины; я бескорыстно отдаю ей свою верность, свои заботы, всего себя. Каждое настоящее счастье есть рабство.

– Это правда, я тоже часто об этом думал, – заметил Ксиландер.

Вандерера возмущала истерическая откровенность Зюсенгута. Он встал и начал беспокойно ходить между столами. Его мысли упорно возвращались все к одному и тому же образу. Он потерял всякую силу воли и способность рассуждать; хотел уехать из города, хотел писать, чтобы высказаться, но какие мог он делать признания? Решения, одно другого безумнее, приходили ему в голову. Хриплым голосом приказал он подать чернил и бумаги, написал Ренате письмо,

запечатал и тотчас же поручил кельнеру опустить в ящик. До него по-прежнему доносился задыхающийся голос Зюс-сенгута, речь которого принимала все более и более пророческий характер. Он любил, когда его называли Спасителем женщин.

Медленно тянулась ночь, еще медленнее утро. В три часа Вандерер был уже в пустынных залах галереи. Он предпочел бы, чтобы вчерашнее письмо не было написано; ему казалось теперь, что он затеял какую-то игру в прятки. Он знал, что не уедет из города, но благородное самоотречение, выраженное в послании к Ренате, поддерживало в Анзельме уважение к самому себе.

Около пяти часов послышались легкие шаги по каменным плитам лестницы, и Вандерер, поблуднев, замер у одной из картин. Произнесенное вполголоса приветствие заставило его вздрогнуть. Рената слегка тронула его за рукав и сказала:

– Я знала, что вы здесь.

Он беспомощно посмотрел на нее.

– Сядем, – предложила Рената, – я устала. Сгущались сумерки. Темно-красные стены, золотые рамы и взирающие с полотен лица – все это составляло особый мир, молчаливый и далекий.

– Мне хотелось еще раз прийти сюда, – сказала Рената робко, точно прося прощения. – Ваше письмо испугало ме-

ня, но и обрадовало. Мысль, что я кому-то нужна и дорога, подняла меня в собственных глазах. Но было бы лучше, если бы вы мне сказали все, вместо того чтобы писать.

– Фрейлейн Рената, я виноват пред вами. Но мною владело что-то, не подчиняющееся моей воле, какая-то слепая сила... Может быть, вы сами... Да, вы сами, сами того не ведая.

– Я понимаю вас. Вам не в чем оправдываться, – сказала, поднимая вуаль до самого лба, Рената, нервно закусив нижнюю губу. Вдруг она поднялась. – А что, если я пойду за вами, куда вы захотите, готовая на все, чего бы вы ни попросили?

Вандерер молчал как громом пораженный. Рената неподвижно стояла перед ним, лицо ее побледнело от стыда, страха и ожидания.

– Не думайте, что для меня безразлично, о ком из мужчин идет речь, – прибавила она. – Я никогда не выйду замуж за герцога. Я не могу продать свое достоинство за герцогскую корону.

Что, собственно, побуждало ее поступать так? Не выбирая, вытянула она свой жребий из урны судьбы, как дитя с завязанными глазами.

– Если бы вы только захотели, – сказал Вандерер в волнении, близком к помешательству, – тогда я узнал бы, что такое счастье.

– Ах, счастье, – печально и неуверенно возразила Рената, – это еще вопрос.

– Огромное, непостижимое счастье, – бормотал Вандерер, которого трясло как в лихорадке. В то же время душу его наполнял непреодолимый страх пред будущим. Чужая воля, завладевавшая его собственной волей, парализовала мысли и способность действовать.

– Да, я хочу бежать, – повторила Рената, страстно жаждавшая какого-нибудь решения. – Мне ненавистна вся моя жизнь.

– Будущее, которое я могу вам предложить, не узнает забот, – поспешно сказал Вандерер, хотя ему было неясно, как, собственно, все случится и как она представляет себе это будущее.

– Будущее! – с гневом произнесла Рената. – Я вовсе не думаю о нем. Я не хочу знать каждую комнату, в которой мне придется жить. Вы совсем не обязаны на мне жениться. Вы должны только постараться понять, что я собою представляю и чего я хочу. Потому что я сама этого не знаю.

– А последствий вы не боитесь? – озабоченно и со страхом спросил Вандерер.

– Разве вы мне не сказали, что любите меня? – с отчаянием прошептала Рената. – Или письмо было написано только ради того, чтобы скоротать время? Что касается меня, то я все взвесила. Иначе и быть не может. Я знала, что вы презираете людей, которые меня окружают, и когда почувствовала себя оскорбленной, то подумала о вас. Я не хочу продать себя за титул, нет! Лучше я подарю себя. Я хочу порвать со

всем своим прошлым, и, если вам будет угодно, я буду работать, как поденщица. Вот что еще мучает меня: мне хотелось бы знать, как живут сотни тысяч женщин, которые нас проклинаят. Не вечно же жить во дворце и слышать лишь отдаленное эхо проклинаящих голосов! Нет, нет!

С широко открытыми глазами ждала Рената ответа. Вандерер назвал ее по имени и поцеловал ей руку.

– Не должен ли я пойти к вашей матери? – спросил он.

Рената горько усмехнулась.

– Если вы это сделаете, то я не захочу вас знать. Поймите же, я хочу одного: забыть все, что остается позади. Я ненавижу мелочные дразги. Моя мать мечтает только о моем замужестве с герцогом.

Ее, видимо, угнетало что-то. Она хотела сказать очень многое, но не находила слов.

– Я понимаю, – сказал Вандерер. – Для вас это не бегство, а выражение протеста.

– Да, вот именно! – воскликнула Рената с радостной улыбкой.

– Вы не хотите борьбы с неизбежными оскорблениями и упреками. На человека, которому вы вверяете себя, вы не хотите налагать никаких обязательств, не хотите приковывать его к себе. Я очень хорошо понимаю все это, Рената.

– Анзельм! – со счастливой улыбкой пролепетала молодая девушка.

– Но я буду постоянно бояться, как бы вы не раскаялись.

Тогда каждый фальшивый тон будет казаться в десять раз обиднее, и каждое слово будет звучать враждебно. Надо быть правдивыми по отношению к самим себе и не допускать ни малейшей лжи.

– Я не буду раскаиваться, – ответила Рената. – Пусть будет что будет. Что бы ни случилось, я принимаю на себя всю ответственность. Что касается лжи, то я никогда не вру. Я горда, помните это. И я говорю о гордости не только за себя, но и за всех других женщин, начиная с моей матери и сестер.

«Какое необыкновенное существо», – подумал Вандерер. Свершилось все, что еще недавно казалось несбыточной грезой. Услужливая судьба быстро перебросила мосты через пропасти, и, захваченный врасплох, он не знал, что делать.

Пробило шесть; прошло только полчаса, но казалось, что пережиты долгие годы. Появился старый служитель, своим приходом безмолвно приглашая публику удалиться. Рената с сияющим лицом посмотрела на Вандерера – он был только немного выше ее, – после чего, как по безмолвному соглашению, они подошли к «Заскии».

На обратном пути Рената сообщила, что ее мать и сестры едут завтра в Инсбрук встречать отца. Рената останется одна. Одна из горничных, пользовавшаяся ее доверием, поможет ей собрать вещи; другую она отошлет куда-нибудь. Из опасения показаться фальшивым Вандерер говорил немного. Решимость Ренаты, имевшая в себе нечто героическое, возбуж-

дала его удивление; но в глубине его души всплывали воспоминания о прочитанных романах, и он старался вооружиться против неведомого «некто», который может посмеяться над всем этим приключением.

Рената, у которой каждое намерение с естественной неизбежностью вытекало из ее натуры, не оставляя места для выбора, была весела и непринужденна. Она вскоре сказала все, что хотела, и замолчала, прислушиваясь к вечернему звону.

– Мы уедем на Боденское озеро. Там у меня есть маленькое имение, где хозяйничает старый солдат, потерявший ногу при Кёниггреце. Я сегодня же ему телеграфирую.

Рената согласилась; осторожность и предусмотрительность Вандерера больше не раздражали ее. «Я уйду с ним, свободная и самостоятельная. Я выбрала, и меня выбрали. Предо мной открыты все пути жизни», – думала она.

Прощаясь, Анзельм спросил, любит ли она его. Она растерянно посмотрела на него и смущенно улыбнулась. Это был вопрос, смысла которого она не понимала, и побледнела от стыда, когда он заговорил об этом. Вандерер никогда потом не мог забыть ее растерянной, смущенной улыбки. С этой минуты его неопределенная симпатия к ней превратилась в настоящую страсть.

В глубокой задумчивости прошла Рената небольшое расстояние, остававшееся до ее дома. Завтра в четыре часа они встретятся на центральном вокзале – это было все, что она понимала под словом «будущее». Мечтать было не свой-

ственно ее натуре; она мыслила только образами, темными или светлыми. Сознание близости перемен опьяняюще действовало на нее. Каждый камень, на который ступала ее нога, казался ей в этом необыкновенном настроении чем-то дорогим и близким. Долгим взглядом прощалась она с тихим вечером, который был великими вратами завтрашнего дня.

– Ну, Рената, – сказала фрау Фукс, сидевшая в кресле, с грелкой под ногами, – твое поведение, право, удивительно. Полдня ты где-то пропадаешь, без экипажа, без провожатого, это ни на что не похоже! Ведь у тебя есть обязательства. Я на твоём месте, уж конечно, вела бы себя иначе.

Благоговейное внимание, с каким Лони и Марта слушали слова матери, показывало, что и они также на месте Ренаты вели бы себя иначе.

Поставленная в тупик отсутствующим выражением лица Ренаты, фрау Фукс покачала головой и с грустью прибавила: – Я больна.

Рената посмотрела на мать полными страха глазами.

– Ты больна? – И она порывисто склонилась к ней.

– Ну положим, ничего серьезного. Старая история.

– В таком случае ты завтра не должна ехать, мама, – решительно сказала Рената и тотчас же в ужасе прикусила губу. «Ложь!» – молнией пронеслось в ее мозгу.

– Нет, мы все-таки едем, – все так же грустно возразила фрау Фукс. – Дети так радуются этой поездке, а я, кто знает, увижу ли еще когда-нибудь горы. Фукс хочет скоро уехать

отсюда.

Марте непременно хотелось рассказать смешную историю, которая все время заставляла ее улыбаться. В Бриенской кондитерской ей представили какого-то Зюссенгута. Ах, чего он ей только не говорил! Она запомнила все от слова до слова, хи-хи! «Ваша сестра Рената для меня настоящий идеал. Она открыто ходит по улицам, с ясно начертанной на ее челе судьбой. В беспечном неведении идет она своим путем к страданию». Не правда ли, все это глупо? Хи-хи!

– Марта, не болтай ерунду, – с неудовольствием остановила ее фрау Фукс. – Славные знакомства вы заводите, нечего сказать! Чтобы этого никогда не было, слышите! Не смейте больше разговаривать с этим человеком!

Фрау Фукс, очевидно, не поняла ни слова, но материнский инстинкт пробудил в ней отголосок впечатления, которое эти слова должны были произвести на Ренату. Опять слова Зюссенгута, точно взорвавшаяся ракета, упали на ее пути.

«Сегодня я должна еще раз поиграть на рояле, – подумала Рената, – я должна сыграть что-нибудь огненное и страстное». Лицо ее горело, когда она села за рояль. Под страстные звуки, лившиеся из-под пальцев, перед глазами девушки встало красивое мужское лицо, и жаркие губы приникли к ее устам...

Глава 7

Чудная ясная погода благоприятствовала путешествию. Лони и Марта от лихорадки ожидания не спали всю ночь. Рената же, наоборот, становилась все спокойнее с приближением ожидаемого часа. Когда мать и сестры уехали, она с помощью горничной принялась укладывать свои вещи. В половине четвертого приехала извозчичья карета. Рената оставила на своем письменном столе записку, в которой было всего несколько слов, констатировавших факт. Потом с грустной улыбкой окинула последним взглядом знакомые с детства предметы и направилась к карете.

Анзельм Вандерер уже ожидал ее на вокзале. С безмолвным поклоном принял он от нее багаж и усадил девушку в купе; сам же, как это было заранее условлено между ними, поместился в другом вагоне. Когда поезд тронулся, сердце Ренаты сжалось от гнетущего чувства одиночества. Быстро, с ритмичным постукиванием катились колеса, и этот стук невольно слагался в мелодию, и так же невольно к этой мелодии подбирались слова: «Душа твоя, лишь вознесясь в надзвездные высоты... поймет всю глубину страданий...»

Наконец поезд остановился на станции, на которой Вандерер собирался прийти к Ренате. Она со страхом ожидала его. Было уже темно, когда Анзельм вошел и, отпустив носильщика, сам принялся раскладывать вещи. «Почему он ниче-

го не говорит?» – в смущении подумала Рената. Когда поезд снова тронулся, Вандерер порывисто обернулся к ней, взял за руки и спросил, не раскаивается ли она. Опять этот растерянный взгляд, опять смущенная улыбка. И Анзельм вновь, как и вчера, не знал, что делать и что говорить дальше. Бледное лицо Ренаты с широко открытыми глазами возбуждало в нем чувство какого-то благоговения. Но вот она улыбнулась ему, и что-то детское в выражении ее лица сразу ободрило его. Осторожно, дрожащими пальцами Анзельм поднял до самого лба ее вуалетку, склонился и поцеловал девушку. Воображение Вандерера в считанные секунды нарисовало яркие картины страстных ночей, которые, не сомневался Анзельм, станут им обоим наградой за все мучения. Он был готов уже сейчас слиться с Ренатой, стать одним целым, унести вместе с любимой в край чувственного наслаждения. Его не смущали ни голоса продавцов, доносившиеся с перрона, ни торопливые шаги пассажиров: необычность обстановки лишь сильнее разжигала в нем желание. Голос разума шептал ему: «Не сейчас», но Вандерер не мог больше ждать: он был в двух шагах от блаженства. Его губы коснулись покорных, безучастных губ, не таивших в себе ни искры желания. С недоумением и мольбою смотрела на него Рената. Вандерер, сжав зубы, отступил. «Она подарит мне многие месяцы и годы наслаждения, – подумал он. – Стоит ли торопиться? Наслаждение тем сильнее, чем больше препятствий на пути к нему, чем дольше ожидание».

В Линдау их уже ждал пароход. От далекого, холодного месяца шла через озеро серебряная дорожка. На юге и на востоке поднимались черные громады гор, а за ними светились, точно оправленные в серебро, снеговые вершины. В воздухе пахло водорослями, и хрипло кричали чайки. Рената стояла на палубе, как очарованная, пока Анзельм хлопотал с вещами.

Она не смела шелохнуться и была погружена в созерцание, крепко держась руками за перила, но вдруг почувствовала какую-то неловкость и, обернувшись в сторону, увидела пристально устремленный на нее взгляд мужчины, которого она наверняка никогда в своей жизни не встречала, но который почему-то разбудил в ней какие-то дурные воспоминания. Это был человек среднего роста с самоуверенной осанкой, в желтом пальто и широкополой шляпе. Лицо его скрывала тень, но Рената разглядела узкую, словно приклеенную, козлиную бородку. Молодая девушка с досадой отвернулась, но глаза незнакомца не переставали пожирать каждое ее движение, каждую складку одежды. Только когда пришел Вандерер, незнакомец принял равнодушный вид и закурил сигару. При свете спички Рената увидела лицо, полное холодного спокойствия, суровое и как бы окаменевшее, с циничным и жестоким ртом. Во всей его внешности была такая странная смесь важности и беспечности, животной непосредственности и светского лоска, что даже Вандерер покачал головой, посмотрев на прохаживавшегося взад и вперед незнакомца.

В девять часов пароход остановился недалеко от Констанца. Здесь их встретил хромой управляющий с дочерью и приветствовал «молодую барыню» самым почтительным поклоном, генеральную репетицию которого он проделал с полчаса тому назад перед опытным взором ночного сторожа.

Церемонный поклон управляющего Винивака, позабавивший Ренату, вызвал у господина в широкополой шляпе припадок веселости, причем смех его походил скорее на пыхтенье паровоза. Рената вздрогнула.

– Опасный парень, – пробормотал Винивак, стараясь совместить свой гнев с почтением к господам. – Живет в «Белом петухе». Ездит два раза в неделю к швейцарской границе. Подозрительный господин.

– Перестаньте, – остановил его Вандерер. Его медлительный ум был не в состоянии быстро обдумывать все происходящее.

Когда Рената вошла в комнату виллы, уединенно стоявшей на склоне горы, ее охватило такое сильное волнение, что она лишь смутно могла различать окружающие ее предметы.

– Что-нибудь случилось? – озабоченно спросил Вандерер.

Рената отрицательно покачала головой и попыталась улыбнуться. Потом, быстро обернувшись, бросилась к Анзельму на грудь. Губы ее были полуоткрыты, а полный ожидания взгляд был устремлен на него. В этом взгляде было напряженное, болезненное усилие прочесть его мысли. «По-

ра!» – пронеслось в голове Вандерера. Он нежно провел рукой по волосам Ренаты, по ее нежной шее, и его словно окутало теплой волной. Никогда прежде он не жаждал столь сильно близости с женщиной. Да и можно ли говорить об истинной близости с теми, кто продавался Анзельму за гроши в дешевых борделях? На этот раз все было иначе. Он мечтал о слиянии – именно о слиянии с близким и желанным существом. Глубоко вздохнув, он уже собирался подхватить Ренату на руки и отнести на софу, как вдруг из деревенского трактира донесся мотив популярного романса, комически искаженный деревенским любителем. Анзельм прыснул от смеха.

Рената отстранилась от него, подошла к окну и прислонилась лбом к стеклу. Среди наступившего молчания в дверь почтительно просунулась голова Винивака, доложившего, что кушать подано.

В смущении, какого он еще никогда не испытывал, Вандерер подошел к Ренате, взял руками ее голову и поцеловал ее в глаза. Она вздохнула, но не противилась; лицо ее побледнело. Со странной и мучительной жадой рассматривал Вандерер милые сердцу черты. Выражение лица Ренаты казалось ему книгой, написанной на незнакомом языке ясными и отчетливыми буквами, которые тем не менее он не мог прочесть.

– Где витают теперь мысли? – спросил он, избегая интимного обращения.

– Не знаю, – кратко ответила Рената.

– Нам будет хорошо здесь, – продолжал Вандерер, и собственные слова казались ему пустыми и выдохшимися. – Целый день солнце и озеро, леса и горы, древние замки и старые церкви. И еще я хочу достать большую собаку; она будет сопровождать нас во время прогулок.

Он сказал это так, как будто боялся, что она будет скучать с ним одним.

– Собаку? Это очаровательно. Может быть, русскую овчарку?

– Да, или ирландского сеттера. Рената никогда не должна быть печальна.

За ужином еще больше усилилось в каждом из них чувство гнетущего одиночества. Каждый думал одну и ту же думу, но старался скрыть ее от другого, и они вяло обменивались ненужными фразами по безразличным вопросам. Прошло десять часов, и Анзельм удивился, что еще так рано. Рената устала и просто сказала, что ей хочется спать. Но когда она, глотнув вина, ставила рюмку на стол, рука ее задрожала, и вино расплескалось по белой скатерти. Оба засмеялись, но не смели взглянуть друг на друга; Ренате было досадно, что Анзельм не находит слов, чтобы рассеять это томительное настроение. Она чувствовала свое превосходство над ним, и это заставляло ее опасаться чего-то страшного и непоправимого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.